

Мария Солодилова

Незастегнутое время

Мария Солодилова
Незастёгнутое время

«Э.РА»

2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)

Солодилова М.

Незастёгнутое время / М. Солодилова — «Э.РА», 2016

ISBN 978-5-00039-217-1

Повесть «Незастёгнутое время» выпускницы Литературного института Марии Солодиловой – ещё одна попытка осмысления глубины и сложности любовного чувства. Попытка, неожиданная в своей искренности и художественном воплощении. Автор тщательно исследует природу отношений своих героев, подспудно задаваясь вопросом, возможно ли сохранить чистоту и непосредственность чувств, пройдя через жизненные испытания, тем самым продолжая и развивая традиции как античной, так и русской литературы. Тема поиска истины, так или иначе затронутая в повести, находит своеобразное продолжение в рассказе «Барамин». Рассказ представляет автора с несколько неожиданной стороны – как вдумчивого и увлечённого исследователя такой неординарной темы, как сотворение мира. Для широкого круга читателей, интересующихся современной русской словесностью.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00039-217-1

© Солодилова М., 2016

© Э.РА, 2016

Содержание

Незастёгнутое время	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Солодилова

Незастёгнутое время

Незастёгнутое время

Повесть

Глава 1

Мгновения

Руки – в сеточку, небо – в клеточку: ттум! – ттон! – ттум! – ттон! Ветра шершавый вдох ракеткой лова, за воланчиком едва глазами следя, скорее угадывая руками, всем телом – где он должен оказаться. Удар у неё сильный, отчаянный, коса по спине плещется, носом на ходу шмыгает и штаны поддёргивает:

– Это мамыны. Сколько ни убавляла – велики, а по росту мы одинаковы... Да ещё ноги стёрла... Ну куда ты так высоко! Я и так прыгаю, чтобы компенсировать разницу в росте...

Обиженно пошла за воланчиком, подняла, встала на прежнее место с ракеткой наизготовку, но воланчик держала: ветер.

– Лови!

Ттум-ттон-чпок!

– Опять по железяке пришлось... И сетка тут ослабла...

– У меня дома лучше, деревянные...

– Да? А ты принеси!

Подошёл к ней – наладить ракетку – потная, волосы за уши заправляет, под кофточкой – полупрозрачный лифчик, чуть угадываются приплюсненные соски... Яркий крестик на блестящей цепочке, не потемневшей от тела – в ложбинке, в теплом междухолмии...

Выпрыгивает из-под кофточки, а она его снова туда, под лифчик, в белое живое тепло... Засмотрелся, даже неудобно. Чтобы сгладить неловкость, спросил:

– А почему у тебя крестик не потемнел? У меня вот...

– А это золотой... Всем семейством крестились в Челябине, ещё до ареста... Отец свой потерял – забрали... Кагебешники... Подстроили взятку, год держали, а потом выпустили за неимением доказательств... Маму в работе понизили, мы с Мишкой – и то как дети врага народа... Возвращаться туда не хочется...

– Да... Символично... А у меня это уже третий... Один на даче оставил на зиму – пришлось новый покупать... Другой потерял где-то... А мать свой в кошельке носит...

– Да тут уже лучше не сделаешь, давай...

И снова она – с ракеткой наизготовку... А по стадиону ещё кто-то бегают, круги нарежет... Физрук не вредный – лишь бы сдали... В техникуме гоняли почище, чем здесь...

Ттум-ттон, ттум-ттон...

– Хорошая была подача...

– Конечно... Ты же по сторонам смотришь...

Слабая ещё после бронхита, и в беге – задыхается, и тут её загонял... Даже неудобно...

– Давай отдохнём? Устала?

– Нет, давай ещё, пока тихо... А ракеткой ты машешь, как кошка хвостом, когда воланчик упустишь... Так же сердито...

– Что поделать... Таков я... Натура моя кошачья – год Тигра всё-таки...

– А я – Змейка. Так мне что теперь – шипеть? Опять ты высоко...
– Ну извини... Я сам достану.
Закашлялась, достала платок...
– Может, рано тебе ещё? Что говорят?
– Зачёт-то нужен. Мне и так этот бронхит с видом на Миасское кладбище...
– На Миусское...
– Мне так роднее... Миусское – оно какое-то жалобное, как писк котёнка.
– Кошка у меня сейчас страдает – кота надо... Если не накормят контрасексом – будет целое Миусское лежбище котят... Прошлый раз принимал роды – шестеро!
– Я почему-то сразу подумала, что у тебя кошка...
– Почему?
– Не знаю... У кого кошка – те мягче, есть в них самих что-то кошачье...
– Например, усы! Мяу!
– Ты не умеешь – мау! Маао-мяу!
– Здорово у тебя получается!
– Тренировка! С двух лет усатых передразниваю. В детстве хорошо получалось под котят подстраиваться...

– Пора уже...
– Ага. Занеси ракетки... И зачётку мою возьми... Простая, синяя, без обложки...
Конечно, синяя – ему одному со всего курса почему-то досталась зелёная зачётка.
Конец апреля был по-летнему жаркий, и до начала сессии – ещё целый месяц, но тех, кто умудрился выцарапать из деканата свою зачётку, физрук отметил. А уж Ритин подвиг явно стоил зачёта...

Послушался её – со стадиона вылезали через дырку в заборе – так, говорит, короче, я так первый раз шла... Несolidно уже пробираться через всякие там злые щели... А ей – хоть бы хны. И кто скажет, что девятнадцать? Да пятнадцать от силы... Попрощались возле метро – торопился в парикмахерскую, да и она – дальнобойщиков встречать с подарками от матери...

– Ну ладно, до понедельника...
– До понедельника... Только меня на первой паре не будет – к врачу отпросилась...
– Ну, пока...
– Пока...

В той же кофточке, джинсах, чуть прихрамывает – видно, здорово натёрла... И остановилась у ларька с мороженым... Так и бронхит никогда не кончится...

Вернулся после парикмахерской – никого... Как ни отряхивали – волос за шиворот все равно насыпалось предостаточно. Из метро выходил – «шалом» сказали и листовку сунули... Ну вот, они теперь и вьются – на затылке и у висков... Усы – рыжевато-русые, щетина же – чёрная, хоть и редкая... Вот ведь компромиссный вариант... И всё-таки хорошо, что расстался со своим технарски-бунтарским видом – и майки с черепами надевать уже неудобно, и кассеты те – пылятся...

Кошка! Вот стервоза! Наделала прямо под дверь! Хорошо, хоть не вляпался. Пока разбирался с кошкой – ванна чуть не перелилась... Разделся – потный, пыльный, еще цепочкой натер большую родинку на шее, и чешется всё... Нырнул в спасительную пену... Да, ванна в новой квартире большая, не в пример той – можно почти в полный рост вытянуться. Полежать, пока не полопаются переливающиеся разноцветные пузырьки...

Аккуратно промокнул родинку полотенцем – нет, не содрал... Может, убрать её? Мать опять скажет, что денег нет...

Малиново-красные пятна горели на бледном, незагорелом теле. Бабушка рассказывала, что прабабушка во время пожара, беременная, схватила резиновую игрушку, утёнка – с тех пор эти пятна передаются по наследству, из поколения в поколение... В память о погроме...

Под шум фена даже не слышал, как щёлкнула дверь.

– Чего это ты вдруг посреди недели помыться решил? И постригся, смотрю – уж не влюбился ли? Девочка у тебя была на дне рожденья – как её там?

...Пригласил тогда Витьку-Винта, технарского знакомца да однодворца своего, Яшку, еще школьных времен приятеля. Девочек было двое – Рита и Яся. Пришлось пригласить двоих, чтобы ей одной не было неловко, да и к Ясе она была почему-то расположена, хотя Игорю было сложно понять – что их связывало, ведь Рита всегда была одиночкой. Яся была из тех, кто не устает регулярно ходить на сборища в Нескучном махать деревянным мечом и общаться с себе подобными – эльфами, орками и прочими бессмертными горцами каких-то несбыточных гор. Она и его когда-то зазывала, но Игорь всё отнекивался – странно было играть в подобные игры, а потом нашла себе Яся пару – Ромку с заочного, он теперь её меч носит... А ведь когда-то, ещё на вступительных, он пытался познакомиться именно с ней, Ярославой... Риту-то заметил только на первом курсе – когда толкались в библиотечном подвальчике то ли за «Эпосом о Гильгамеше», то ли за «Кодексом Хаммурапи», тогда она говорила, что хочет найти тибетскую «Книгу мёртвых», а он так и не спросил – зачем. Потом она неожиданно пригласила его на день рождения в общагу, а в ответ и её позвал к себе... Она сразу же полила засохшие цветы – алоэ да кактус – и, сняв носки, ходила по полу босиком, что несказанно удивило отца – видно, здоровая...

А на кухне уже пахнет курицей, щёлкает и шипит масло, вскипает чайник...

Прошёл в свою комнату, споткнулся обо что-то, открывая дверь. Прыгая на одной ноге и шипя от боли, вспомнил, что сам же перед уходом припёр не желающую закрываться дверь гантелями, чтобы кошка не валялась на кровати и не пакостила...

Надо бы гантелями не только двери припирать, а заняться всерьёз, а то скоро и сил не хватит оттащить...

Кожу содрал на мизинце – надо приречь, а то ещё попадёт какая-нибудь зараза... С детства приучен. Рита только смеётся – воду из-под крана пьёт, с ранки языком капельку крови слизывает, лиственницу в щепоть с ветки собирая, жуёт... Отец говорит, что в деревне когда-то так и жили. Сам-то он уже городской – за тридцать пять столичных лет, каждую зиму болеет и только в тапочках по полу ходит...

Что-то задерживается он, а есть уже охота...

Что бы такое послушать? Цоя – хорошо перед дорогой, «Пинк Флойд» – нет, не то... Когда-то они с отцом Высоцким увлекались, сперва – на пластинках, потом купили кассетный магнитофон. Рыскали днём с огнём в поисках приличных записей, только попадалось всё больше левое, да ещё кассеты советские – а это уже испытание...

Может, из «Металлики» что-нибудь спокойное? Или из «Депеш Мод»? Рита тогда сказала, что музыка мрачноватая, он спросил – что она слушает и через неделю получил кассету с её музыкой. Что-то такое попсоватое, но отобранное по вкусу... Правда, уже тогда она сказала, что ей всё большей частью разонравилось и просила у него каких-нибудь кассет... Вернула потом, извиняясь – магнитофон старый, почти целую песню в начале зажевал, потому что плёнка перекрутилась. Надо бы разобрать корпус, расправить, а то так и лежит в пакетике, всё руки не доходят...

На неё невозможно сердиться... Имя у неё удивительное – невесомое какое-то. Имя – это будто тебя что окликает. Как она читала «Фауста»? Или «Мастера и Маргариту»? Она же говорила, что её наградили Булгаковым за школьную Олимпиаду по русскому...

...День рожденья тогда получился так себе. Родители, по обыкновению, подтрунивали над ним, рассказывая сотый раз курьёзные случаи из детства, Витька с Яшкой потихоньку напивались и таки напились – отец им многовато подливал, увлекшись, Яся вдохновенно рассказывала что-то про эльфов, не успевших сварить макароны, а Рита сидела такая грустная и задумчивая, что её было жалко.

Потом она сказала, что от вина почему-то всегда становится грустно, и что не может понять людей, которые в пьяном виде начинают приставать или затевают драку. И это было почти всё, что он тогда о ней узнал. Потом пригласил в театр, ходили с ней в Пушкинский музей – Цветаевский, как она его называла. Города Рита боялась – терялась, путалась в незнакомых улицах и переулках, и как раз не любила центр, хотя приезжим обычно нравится эта голливудская конфетная пестрота... Водил её по городу, рассказывал что-то с видом опытного экскурсовода. У неё в памяти было много картин – чуть ли не больше, чем знал он сам, и много помнила из книг – большие прозаические отрывки из наиболее понравившихся... Говорила, что дома осталась большая библиотека и жалела о том, что сюда всё это не привезти – мать её жила где-то в служебной общаге, а когда становилось совсем тошно, приходила к Рите.

Он видел Арину Петровну на дне рождения Риты – правда, мельком, потому что побывала она совсем недолго – среднего роста, неулыбчивая, рыжевато-седая... Рита была мало на неё похожа. Тот день рождения тоже был не совсем удачным, но главное – Игорь тогда как раз почувствовал, что только он ей по-настоящему интересен из всей этой пёстрой студенческой братии.

Мать встала в проёме:

– Игорь, ты насчет воскресенья-то как, не решил?

– А что в воскресенье?

– Юбилей у бабушкиного брата – я тебе говорила... Они приглашали – неудобно отказываться, мы-то с отцом на дачу поедем...

– А когда начинается?

– В двенадцать.

– Так можно же посидеть немного – и поехать... А, ну электричка-то в три, так что и правда...

Яков, бабушкин двоюродный брат – один из немногих, кто ещё помнил военное и послевоенное время. Отношения с ними как-то не складывались, хотя жили недалеко. Мать знала, что Игорь затеял писать семейную хронику и потихоньку собирает материалы, поэтому заранее решила, что пойдёт именно он.

Кошка бросилась к двери с протяжным воплем. Почему-то именно отца она больше всех уважала, хотя кормила её мать, а когда ей надо было окотиться – шла к Игорю.

– Вы что же, ещё и не ужинали?

– Да так как-то...

– Встретил своего бывшего начальника, разговорились...

– Ну-ка дыхни...

– Да пиво я пил, пиво...

Отец, конечно, любил выпить, как и все деревенские, но Игорь почти никогда не видел его пьяным, а мать почему-то всё боялась, что сопьётся – видимо, в памяти дедовы скандалы с битвём посуды и уходами из дому.

На старой квартире никогда не собирались вместе, а тут – можно было бы ещё и Юльку посадить со всем семейством. Мать говорила, что надо бы купить на кухню диванчик, а табуретки свезти на дачу, отец не соглашался, но Игорь уже знал, что всё будет так, как хочет она.

– Ты не заболел, грустный какой-то сегодня...

– Наверно, влюбился.

– Самый возраст...

Судя по тому, что они говорили раньше, «самый возраст» наступил ещё лет пять назад, когда его всеми силами пытались познакомить с какими-то малопонятными девицами. Всё это было так нелепо, что кончалось после первой же встречи.

Что-то балаболило радио, но вдруг Игорь поймал себя на том, что слушает песню – простенькую, танцевальную, но это одна из ее любимых, и потому – как будто уже с ней:

You can win, if you want,
If you wanna, you will win...

Как послание ей туда, в предмосковскую неизвестность:

In a small town world...
Your parents and your future plan...
...Thats no way your story go!

И впрямь некуда идти, как её слушаешь...

И снова это girl for me бьётся в голове, словно сама песня разговаривает с ним его же словами – приди, приди, будь моей...

Уши сразу покраснели, а мать ещё положила руку на горящий затылок:

– Влюбился, влюбился...

– Не смущай парня...

...Когда провожал её со дня рождения до остановки, она, слегка охмелевшая, напевала:

– А из окон – мороз синий-синий...

И вдруг, остановившись:

– А чувствуешь, рифма подкачала? Не мороз, а морок, туман то есть, диалектное слово, мы на Байкале слышали... Отсюда – и обморок, и выражение «голову морочить»...

– Да, как отуманивание...

– Со мной сами слова говорят... Будто окликают, – сказала Рита как раз то, что хотел сказать он сам, и это тогда ошеломило.

– Это все старославянский...

– Мне кажется, и раньше было...

Конечно, раньше, у двоих – одновременно, и они должны были встретиться здесь, чтобы сказать... Пообещал тогда кассету с песней Меркьюри в обмен на её перевод – она говорила, что переводит иногда для себя понравившиеся песни, но тот самый, сделанный в шестнадцать лет, хотела переделать, но не смогла изменить ни слова...

Там и не надо было ничего менять... Никогда не видел лучшего перевода. Неожиданно глубокий для шестнадцати лет, но написанный в возвышенном стиле восемнадцатого века, и в то же время – всё искренне, без нарочитости... Может быть, этого она и стеснялась... Люди нередко стесняются высокого в себе, особенно – застенчивые, это не всякую подлость сразу видно... В ней словно было высказано всё то, что Игорь учился зачем-то держать в себе, и так внутренне обрадовался этому тайному сходству, что каждый раз при встрече хотел сказать ей об этом, но откладывал...

– Посуду за собой помой, а то я что-то никак чай не допью...

И мать ушла в комнату, смотреть телевизор, но и сквозь шум воды было слышно, как она переругивается с отцом, и было ясно, что сейчас снова вернется сюда, и будет просить его настроить черно-белый кухонный телевизор с местной антенной.

– Ну так что, ты на дачу-то едешь?

– Я же в гости собирался...

– И отцу надо помочь. Сам знаешь, у него и сердце, и вообще...

Отец, как всегда, затеял на даче нечто глобальное – пристройку террасы, призванной соединить кухню-сараяшку с домом. Для этого ещё в позапрошлом году ковырялись с дренажной системой, в прошлом – вкапывали столбы, а в этом году все это должно было, наконец, кончиться, но никто всерьёз этому не верил.

Как каникулы – так строительные повинности на даче, и конца-краю этому не видно, а попробуй только заикнись... Просто для Игоря дача была возможностью улизнуть из города, а для родителей крайне важна была картошка, яблоки, все эти постройки... Хотя он и сам мечтал о том, как хорошо будет читать на застеклённой террасе, но боялся в этом признаться.

– Тащиться туда, а потом обратно...

– Ну а отцу-то кто помогать будет? Мне, что ли, доски таскать?

– Рубашку мне погладишь?

– Голубую? А может, лучше белую?

– В белой на дачу?

– Но ты же её там снимешь, а потом поедешь на день рожденья...

Вот так сразу сдался... Мать из него умеет верёвки вить... Никакого характера...

Когда в кухне, наконец, заработал телевизор, оставалось только уйти в свою комнату, чтобы отгородиться от телеобстрела какой-нибудь спокойной музыкой. «Депеш мод» давно не слушал.

But I think that God
Got a sick sense of humour
And when I'll die,
I'll expect to find him laughing...

Хорошо бы перевести только за одну эту фразу – Рите можно будет показать, чтобы оценила. Где-то на кассете ведь и текст был...

С этим и заснул. А ночью снова приснился сон про книгу – только в этот раз она была необыкновенно тяжёлой, и он будто бы читал на незнакомом языке, но перестал этот язык понимать, как только осознал, что читает. И книга, закрываясь, пролистнулась справа налево, и выпала из рук перед самым пробуждением, чтобы Игорь не вынес из сна ни малейшей частички ночного знания...

Глава 2

Корни

Ехали в остывающем асфальтовом вареве вечера. Хотели пораньше – не получилось, теперь повсюду пробки, не пробиться. Само время от этого казалось вязким и тугим.

Рита сидела на переднем сиденье – любимое место, так лучше чувствуются скорость и ветер, но сейчас, как замороженная, смотрела на расплавленные в красноватом закате облака, подавшись неизбежной медлительности поездки, а может, ещё чувствуя остаточную бронхитичную слабость.

И откуда ему дано это удивительное, летописное имя? Красное с черным – будто что-то перегоревшее, отжитое... Еще зимой он казался тоскливым темно-синим – и когда успел измениться? Или он оставался прежним, а она только сейчас по-настоящему его увидела? Интересно, чувствует ли он ее так же, в цвете, или пока – черно-белой?

Весенний ветер в городе – он всё равно особенный – в самом асфальте и то чувствуется желтизна тополиного клея, будто дороги растут – сами из себя; по кирпичику поднимаются дома, и на любой стройплощадке пахнет грозой после поливальных машин.

– И куда ж ты прёшься в правый ряд? Москвляч... Ну езжай, посмотрим, – говорила Арина Петровна вполголоса, будто обращаясь к яростно сигнализирующему жигулёнку последней модели с московскими номерами. – Наглые все...

Сперва они с Ритой смеялись над особенным столичным произношением, а теперь, когда удалось выцарапать машину – и над автолюбителями...

– Давай-давай, голубчик, по обочине, менты тебя заждались...

Арина Петровна ездила аккуратно, и машина, доживая седьмой год, была как новенькая. Правда, сейчас что-то там дрожало и дребезжало, и мать прислушивалась к машине, как к собственному телу. Рита так не умела. После того, как на просёлочной дороге Рита чуть поцарапала правый бок, не заметив пенёк, мать орала, как ошпаренная, так что больше и пробовать не хотелось... А вот Мишка напрашивался мыть машину при любой погоде – только бы в гараж дали заехать...

Права Арина получила ещё до свадьбы, гоняла на родительском «Москвиче». Вышла замуж – машину отдали брату, а он разбил всмятку, едва сам жив остался...

А во время, которое Арина Петровна иносказательно называла «нашей бедой», а Рита – арестным годом, и прошения с адвокатом писали, и «жучка» из рулевой колонки выковыривали, и в саму Москву, в Верховный суд ездили на этой самой серой «шестёрке», которую тогда же конспиративно называли «наша мышь», чтоб кагебешники лишний раз мозги поломали...

Тогда ещё Москва была чужой, необжитой и необъезженной, а сейчас...

Рита расстегнула куртку. Металлические заклёпки нагрелись до боли и чёрная кожа, потёртая некогда слева на плечах Арины Петровны, теперь натиралась справа ремнём безопасности, таким же горячим и касающимся шеи при резких движениях.

– Застегнись, простынешь... И зря ты кофту не взяла, только из больницы...

– Не простыну...

– Не слушаешь мать, а потом опять будешьдохать... Витамины пьёшь?

Опять о себе в третьем лице... Арестный год её сильно изменил – почувствовала в себе дремавшую прежде волю, научилась добиваться своего, только вот теперь невозможно было поговорить с ней о чём-нибудь, как было в то короткое время, когда они втроем – мать и дети – стали единым целым... Невыносим этот командный тон...

– Да, да...

Забыла витамины... Но об этом лучше потом... На коленях – драной кошкой – потрёпанный «Обрыв» хотя в пробках всё равно не считаешь...

– Сейчас уже выезжаем на трассу, разгонимся, – мать обернулась к Рите хамелеонистыми, ничего не выражающими солнцезащитными очками, но радость в её голосе чувствовалась так явно, что Рита будто бы увидела этот взгляд линяло-голубых глаз, слезящихся от ветра.

После светофора ветер потёк быстрее, а деревья превратились в зелёную дымчатую ленту, вроде тех, что Рита вплетала в косу, чтобы хоть как-то разбавить нескончаемый траур школьной формы. И Арина Петровна уже не думала о том, что отпуск ушёл на бесполезное выбивание долгов, что Мишку в Москву не отпускают – только скорость и пыль.

Внезапно ветер сильно загудел, и Рита, увидев в темнеющем небе мигающие огни самолёта, поняла, что задремала.

– Скоро приедем... Нас уже заждались, наверно...

Каким-то чудом мать нашла двоюродного брата в Подмосковье, восстановив давно прервавшиеся связи, и теперь увлечённо, скороговоркой рассказывала о новообретённой родне. Рита знала только, что однажды мать не отпустили на какие-то там похороны, да у бабушки с дедом изредка поминали какую-то тёмную историю родственного брака, а это – ещё большая путаница. С Урала ехали две большие сумки вещей для погорельцев, но уже родственников родственников, как поняла Рита. Красная сумка не закрывалась, был виден край чёрно-белосиреневого платья, в котором была на выпускном в школе, а потом уезжала из Челябинки домой с двойкой по литературе... Москва... А всё равно нет сил смотреть...

Машина уже поползла по мелкому, стреляющему из-под колёс гравию, подъезжая к двухэтажному длинному дому.

Встречала тётя Тоня – крепко сбитая, энергичная, очень похожая на деда, хотя это была жена маминого брата. Говорила она как-то смешно, на я, предлагая жирные, заправленные майонезом салаты, ветчину и сыр, да чай из старого электросамовара, плевавшегося остатками кипятка и бледно-рыжими хлопьями накипи.

Вскоре с работы пришла старшая – Тася, почти ровесница Рите, только выглядящая намного старше из-за плотной фигуры и особой основательности в движениях, какая дается серьёзным и ответственным людям, а за ней – девятилетние двойняшки Вика и Витя. К счастью для Риты, до мамы и тётки Тони, занятых разговорами, вдруг дошло, что время уже позднее.

Двойняшки угомонились быстро, а Тася ещё долго трандычала про какую-то там Юльку, убитую женихом.

– Пять ножевых ранений в живот, и все руки изрезаны – видать, защищалась... Говорят, вроде даже беременная... вот сволочь, а? Сколько ему светит по новому кодексу – узнать бы... А тоже дуры бабы, давай ему про первого рассказывать, хотя он пьяный был, а уж пьяный-то известно что...

– Ну всё, девочки, спать, – зашла тётя Тоня. – Завтра в шесть подниму.

– На новом месте приснись жених невесте, – шепнула Тася сверху, и Рита заснула на нижнем ярусе, где простыня для неё была заботливо прогрета тёткой Тониным утюгом, хотя из разбухших рам сквозило сыростью.

...Кот мурлыкал и тёрся об ноги... А то вдруг, следя за мухой, принимался скакать, запрыгивая на солнечный подоконник, Рита его сгоняла, боясь, что опрокинет горшки с фиалками и геранями. В соседней комнате Мишка включил телевизор...

Нет, это не телевизор – вставать пора... И утренний ветер, подстриженный самолётами... И полное ощущение дома, с которым пришлось расстаться, одеваясь и дожёвывая на ходу банан... На самом деле никогда не бывает так хорошо, только во сне...

Маминого брата, дядю Ваню, Рита мельком увидела только сейчас. Он поздоровался, спросил, как дела, докурил и сел за руль.

Риту затолкали на заднее сиденье вместе с Таськой и двойняшками, потому что дядя Ваня обещал подбросить соседей до платформы.

За пять часов в машине сильно укачало. От горячей тесноты затекли ноги, руки, а в щёку впечатался квадратик от кожаной сумки. Навстречу вдруг бросилось тёти Тонино отражение с возгласом: «Марина!» – и Рита недоумённо отстранилась... Потом оказалось, что это – родная сестра тёти Тони, но неприятный привкус чужого имени остался.

Мужчины курили возле дома, женщины что-то тёрли и резали в эмалированные тазики, дети самых разных возрастов бегали наперегонки... Если бы раньше не сказали, что она приехала на золотую свадьбу тёти Тониных родителей, сейчас Рита ни за что не догадалась бы, зачем она здесь.

Троюродные братья, внучатые племянники, сводные братья и сёстры. «Господи, и неужели мы здесь не лишние?» – с удивлением думала Рита. Но здесь, похоже, могло влезть вдвое больше народу, и приняли бы так же – тепло и спокойно.

За столами, составленными огромной буквой «п», собралось всё многочисленное семейство. Арину Петровну утащили куда-то поближе к седой паре «молодожёнов», увешанных орденами, как на параде, а Рите досталось место на доске, положенной на две табуретки и застеленной домашней вязки чистыми половичками, рядом с галдящим на все голоса детским столиком.

Поздравляли по очереди – сперва старшие братья и сестры с двух сторон, потом старшие дети, потом пошли двоюродные, племянники, крестники... Но и это ещё не всё, ждали какого-то Вовку, который на свадьбе дяди Вани и тёти Тони убил родного брата «по пьяной лавочке», за что его надолго посадили... Когда он всё-таки приехал со своим семейством, детей отправили гулять, чтоб не баловались, катая под столом пустые водочные бутылки и не лупили бы друг друга пластиковыми из-под газировки.

Сильными, глубокими голосами запели – и «Оренбургский платок», и другие, никогда не слышанные песни...

Рита и позабыть успела – когда последний раз пела. В последние годы и не до песен совсем было – ту, предарестную, о чёрном вороне потом как будто забыли, боялись снова беду накликасть. Пели обычно у бабушки, дома-то не запоёшь – про потолок ледяной, и как укрывает инеем землю добела... Всё тёмное, холодное, синее, а здесь даже песня о непонятной, неведомой ревности была удивительно мягкой и нежной:

– Напилася я пьяна,
Не дойду я до дома,
Довела меня
Тропка дальняя
До зелёного сада...

А с другого конца уже полупьяными голосами подтягивали:

До вишнёвого сада.

...хотя Рита представляла именно зелёный сад, а не цвета сладкой настойки, которой вчера угощала тётя Тоня.

Потом старики было запели:

– Паля огнём,
Сверкая блеском стали,
Идут машины в яростный поход, —

молодые подтянули, споткнулись на рифме о Сталине, попытались замять, на ходу переделывая: «И баба Шура в бой нас поведёт», а кто-то уже выкрикивал, что хватит, наводились, пора своим умом жить...

Какое-то мелькание, беспорядочные взмахи рук, голоса – за столом сразу стало просторнее. Рита тоже вышла на улицу. Рядом с домом, на теневой стороне, была какая-то куча камней, поросшая аккуратной, будто специально посаженной травкой. Дверь в этом странном строении заметить было сложно. Из двери внезапно появилась Тася – крупная, крепкая, с двумя банками в мокрых руках.

– Помоги мне, там ещё две банки стоят – с помидорами и с грибами.

Помидоры тут заливали яблочным соком и ели с сахаром... Дома было невозможно представить такое...

За столом было уже потише – самых пьяных отправили спать, но бутылки на стол всё ещё выставляли. После четвёртого бокала «Сангрии» Рита снова вышла. Мир опять дрожал и кружился. Если б мать не отвела к бабе Ане, Рита, наверно, упала бы и заснула на месте.

...Дедова двоюродная сестра жила на самом краю деревни с дочерью, больной почками, и единственным внуком Женькой – Ритиным ровесником и – получается – то ли пяти-, то ли шестиродным братом. «Таким и жениться можно», – бросила баба Аня на ходу. «Вьюноша», как про себя окрестила его Рита, покраснел и вышел.

То же привычное тепло, в доме чисто по-городскому. В углу – чем-то знакомая машина, проигрыватель «Урал» – дома когда-то был такой же, под него закатывались пуговицы, монеты, карандаши, но особенно было жалко ручку – в белой кофточке и синей юбке, с толстым, блестящим стержнем... Почему-то подумалось, что можно её сейчас достать...

Рита прилегла на диван и не заметила, как заснула. Проснувшись, глянула на часы и поняла, что встали. Вышла на крыльцо с книгой под мышкой. Женька, поливавший из шланга уже блестящую «мышь», обернулся.

– Как для тёщи-то старается, намывает...

Женька смущённо отвернулся и снова взялся за машину, как ни в чём ни бывало.

– Что это, баба Аня?

– Яблоки мочёные. Принести?

– Да нет, я сама...

Но она уже спускалась в погреб, из которого тархтящим насосом выбрасывало воду в большую лягушачью лужу.

Яблоки были огромные, вроде тех казахстанских с голову первоклассника, что Рита и за четыре перемены не могла доест, но уже слегка пьяные... Дома яблок не мочили...

– Это из бывшего барского сада яблоки... Многие уже дичают... Мы себе пытались отсадить черенок – не приживается...

– А далеко сад?

– Да возле пруда, можно будет сходить... Там родничок, мы всё равно вечером за водой пойдём... Из колодца – только на полив берём...

Снова какая-то иная, непостижимая жизнь, в которой Рита чувствовала себя песчинкой в вихре, каплей в дожде – маленькой, бессмысленной... Горожанин вообще странно чувствует себя в деревне посреди постоянной, непонятной работы, совершающейся ежедневно.

Вечером «вьюноша» позвал её гулять, и Рита пошла – в доме было душно, телевизор работал почти на полную мощность...

Голова кружилась от воздуха, но хотелось ещё и ещё нюхать его – уже чувствовалось в нём бело-розовое цветение яблонь, что-то от травы, от земли.

Женька расспрашивал о Москве, говорил, что мечтает там жить – всё узнать, всё посмотреть... Рита слушала его и не представляла – что бы с ним стало в столице, если здесь он целый

день занят работой... Не видеть обвалившихся погребов, растащенного на дрова детского сада, тихо спивающихся мужиков...

Он приобнял Риту за талию – осторожно, боясь, что она сбросит руку, а она будто оцепенела, представляя, что это Игорь обнимает её так – тепло и нежно...

– Замёрзла?

И ведь действительно замёрзла, и так не хотелось отрываться от этих больших тёплых рук...

– Угу. Пошли, согреемся...

– Я тебя согрею...

Расстегнул куртку и приблизился к ней, делясь своим теплом, будто распахивая рёбра с живым горячим сердцем. Это было так естественно и открыто, что невозможно было вырваться и убежать... И главное – так естественно и совершенно серьезно, что невозможно было представить, что он может её обидеть или, соблазнив, бросить, как пелось сегодня в этих долгих, красивых песнях... Но и дальше так стоять, пропитываясь его теплом, нельзя, потому что иначе от него не уйти, а с Игорем...

– Пойдём, а то ноги мёрзнут, я же без носков... И комары – сволочи...

– Я бы хоть свои дал, если б знал...

– Днём думала – что бы ещё снять, чтоб не упариться, а ночи-то ещё холодные...

Пошли, качаясь, как пьяные. Рита почти засыпала в его огромной куртке, пахнувшей свежим хлебом и ветром.

Спустились к чёрной, невидимо журчащей реке, мимо двух засохших, двухметровых репьев. Хорошо, что можно, закрыв глаза, вжаться в его плечо... Но никогда не сумела бы ему признаться в этом детском страхе...

Звёзды – все стрелы, козероги, волопасы, опрокинутый медвежий ковш – смотрели на них сквозь рваную сетку сухих веток.

– Что там?

– Большую Медведицу вижу, вот Малая, а дальше не знаю... Астрономия в школе прошла мимо меня...

– А у нас и не было...

Видно, это было его любимое место – тихо, успокаивающее журчание реки, но Рита всё время помнила, что обратно надо будет снова проходить эту иссохшую жуть... Она тонула под такими же высоченными, жилистыми репьями – отец вытащил... А потом кидался в волосы их хищными красноватыми головками... Она боялась и молчала, пересиливая себя... Даже научилась проходить будто бы спокойно, когда сердце дрожало и билось... Она помнила, как сомкнулась над ней вода, как она боялась крикнуть, чтобы не впустить её в себя... Но вода – это что-то живое, нестрашное...

Ветер раскачивал ветви, репы страшно кренились...

– Пойдём?

Он молча пошёл вперёд, протянул ей руку, помогая подняться. До самого дома шли молча. Женька как будто снова хотел её обнять, но Рита почувствовала – что-то ему мешает.

Взрослые ещё не ложились, хоть и выключили свет – смотрели телевизор, говорили, но тут вдруг стали укладываться.

– Нагулялась, невестушка?

Рита опять смутилась.

– Была у него девочка – такая же беленькая, худенькая – на каникулы два года приезжала, – аж плакал, провожая... Потом ещё с одной познакомился, переписывался, – говорила баба Аня, не заботясь – слышит он или нет, – а она уже и забыла, не пишет...

Женька этого уже не слышал.

Жалко его... «Надо будет написать обо всём, чтобы стало ясно», – подумала Рита, засыпая.

С утра уже припекало. Машина напоминала баню, за три часа всех утетило до варёной красноты – в собственном поту...

– Приехали, помогай выгружаться...

Это была родная деревня Таси с двойняшками, здесь же в одиночестве жила дедова двоюродная сестра...

Перетаскав вещи, Рита села на скамейку возле дома – голова кружилась, сердце натужно стучало, выгоняя пот. В тенёчке под липой было хорошо.

– А это моя липа, – под села Тася с кульком семечек. – В честь меня сажали.

– Ты же зимой родилась...

– Ну, весной посадили... А вот это – детей (так называли двойняшек), и растут дружно.

Рита, пытаясь расположиться поудобнее, вдруг сбила щиколотку о пень.

– А это в честь Петьки сажали, моего двоюродного брата, потом стало криво расти, чуть крышу не поломало – спилили... Петька сейчас в Бутырке. А изнасиловал кого-то по пьяной лавочке... Выпустить через год должны... Я к нему приезжала – а он уже никакой: взгляд пустой, ничего не надо...

Липа была сильная и крепкая. Рита когда-то пыталась посадить своё дерево, но ни одно почему-то не приживалось. Земля тут – «оглоблю посади – телега вырастет», как говорят местные.

Почти весь день Рита слушала музыку в какой-то сараюшке у двух Тасиных знакомцев, пока те отправились гулять. Тут была музыка давнего детства и юности – «Modern Talking», «Bonу М» – то, от чего когда-то сходили с ума... После позднего обеда Рита вдруг заснула, потом попробовала читать «Обрыв», а в темноте Тася вытащила её гулять.

– Что это? Кто поёт?

– Лягушки... В мае всегда так – брачный сезон... Вон по дороге прыгают...

– Никогда не слышала майских лягушек... А соловьи?

– Соловьи – в старом саду. Хочешь, сходим?

– Устала. И холодает...

– Говорила – кофту надень...

Беспросветная тьма – жирная, как сама земля, которую, как говорят, немцы в войну мечтали себе вывезти...

Сквозь сон Рита слышала какой-то шум, бормотанье, наутро выяснилось – баба Рая молитвами мать отчитывала, порчу снимала.

На завтрак были блины – толстые, в палец, которые тут резали на части и посыпали сахаром – всё другое, невиданное... Дома никогда не пекли таких...

– Посылали церковь сносить – никто не пошёл. Приехал один – а его потом молнией убило...

– А у нас, – вмешалась Тася, – церковь стояла заброшенная, мы туда маленькие – как в туалет... С тех пор я в любую церковь могу зайти, а в эту – будто не пускает что-то... Одну девчонку нашу отпевали – так взрослые зашли, а мы все в дверях столпились...

– Вот я и говорю – сходить надо и причаститься, а ещё – венчаться в этой церкви...

Владимир, князь, всё не хотел креститься...

– Владимир Креститель? Красное Солнышко?

– Нет, нет, киевский князь. У него бабка была, в крещении Елена, которая ездила...

– ... в Константинополь, к византийскому императору...

– Да, и он сам её крестил...

– Хотел на ней жениться, а как стал крестным – нельзя...

– Я по книгам церковным читаю, всё оттуда узнаю...

– А мы – по летописи: «Аще хочешь мя крестити, то крести мя сам...»

И всё-таки перед бабой Раей было Рите неловко за свою учёность, она поспешила перевести разговор на вышитые наволочки, полотенца...

– А это... кто вышивал?

– Да я когда-то...

Пора было прощаться: собирались на кладбище – на могилу дедовой сестры, разыскиваемой по всесоюзному розыску больше двадцати лет, и умершей всего два года назад...

Кладбище было недалеко, но народу в машину набилось столько, что баба Рая отказалась... А всё из-за того, что дядя Ваня с тётей Тоней назвали ещё каких-то своих знакомых...

С одной стороны – недокорчёванный лес, с другой – юная поросль молодых дубков...

Арина Петровна удивилась, увидев не поле с плитами и памятниками, но распахнутую дверцу оградки...

– У нас не так... Всегда закрывают, если оградка есть, а тут – чтобы всякий мог зайти, посидеть...

Для Риты в этом не было ничего необычного – если все друг друга знают, то почему бы и нет?

Цицеронь Мартинь Герасимовичь, Цицеронь Раиса...

– Откуда такое имя?

– А это помещик местный. И жена его... Большевики пришли – велели могилы срыть, а памятники кто-то сюда перенёс...

– Мартин – прибалт, наверно? – спросила Арина Петровна, но её уже не слышали, а Рита всё думала, откуда же в этих краях могла взяться такая странная фамилия... А кладбище странное – хоть и на сыром месте – а всё полынь, лебеда да цветы, никаких репьев... Может, дубы их отгоняют? На выходе подобрала три рассохшихся, но будто лакированных жёлудя... Такие в букварях рисовали, но видеть их вживую еще ни разу не доводилось...

Решено было ехать отсюда же на Куликово поле, где никто из местных ни разу не бывал.

Поехали по тряским, размолоченным дорогам, путаясь в указателях первомайских совхозов. Риту скоро укачало, и чернеющая мокрая роща показалась вдруг стаей взлетающих галок.

«Горелово, Неелово, Неурожайка тож», – вспомнилось Рите, когда замелькали провалившимися погребями говорящие, скорбные названия деревень, настоящие имена которых потом уже не желали вспоминаться. И то же ощущение, что кто-то её окликает, было в музее... Славянские письма будто с ней одной разговаривали, и только ей ветер свистел в уши, неся невидимые стрелы – липецкие проходили быстро и, не докурив под начинающимся дождём, садились в машины.

– Не помню – крестили меня или нет... Нас, маленьких, привели к церкви, мы бегали, а вот было ли – ничего не помню... Разрешат ли второй раз? – спрашивала тётя Тоня с переднего сиденья.

– Разрешат, наверно, – отозвалась мать, и это было последнее, что помнила засыпающая Рита, обсыпанная хлебными крошками, в обнимку с продуктовым пакетом. Ей вдруг увиделся Игорь у окна в какой-то большой пустой комнате, и она поняла, что он в больнице...

...Она приедет – и узнает, что простыл, гуляя с друзьями, что положили в больницу с гайморитом, и сперва он в палате был один, а потом подселили вечно курящего дедусю и двух зелёных охламонов...

Глава 3

Разговоры богов

– Знаешь, теперь мне кажется, что я легко сдам зачет по XIX веку – столько всего увидела... Раньше просто не представляла...

– Почему?

– Ну, настолько всё разное... Яблоки эти из заброшенных садов... Понимаешь – сами растут! У нас – не поливай да не утепляй – за одну зиму всё помёрзнет и выродится, – говорила Рита, оглядываясь и держась за перила, пока они поднимались на пятый этаж, мимоходом заглядывая в разноцветные стёкла.

– Интересно у вас тут...

– А... Мне тоже нравится... У меня часто бывает синее настроение, но это – на шестом этаже, у аспирантов, там вечно накурено – хоть топор вешай, настоящий синий туман...

– Я тут матрасы таскал на первом курсе, тумбочки всякие ломаные-переломанные...

– Ну так с первого курса не много и изменилось... Вечный огонь тот же... Спички-зажигалки у всех свои, а половина конфорок не работает, вот и оставляют... Уборщицы приходят – выключают...

– Тут даже уборщицы бывают...

– Во-во, мне тоже не верится, крысы из подвала – размером с хорошую кошку, девчонки в душ ходить боятся. Ну, проходи, – сказала она, вытягивая жёлтый трубчатый ключ из замка, так что на пол полетели жёваные бумажки вперемешку с древесной трухой.

Игорь при входе споткнулся о выбитую паркетину, начал поправлять:

– Приклеить бы надо...

– Я пробовала – никак... Тут ещё одна где-то вылетает – у кровати и возле стола...

Рита схватила жёлтый чайник и прошуршала в стертых шлёпках на кухню за водой, а Игорь подошёл к окну:

– Интересный у вас вид...

– Ага. Только проще саму башню сюда подвинуть, потому что телевизор тут никогда как следует не показывал, потом его мама к себе увезла... Ну, туда, к брату, где она живёт – лампа ей, понимаете ли, в глаза светит... Я же тут официально – со Светкой из Тарусы, а она у сестры в Истре живёт... Полно тут «мёртвых душ»... Если когда обход – я её предупреждаю... Носки-то снимай, мокрые ведь...

– Ничего...

– Да как это ничего, простынешь... Может, тебе водки в чай? У меня тут от дальнобойщиков осталось...

– Не надо...

– Давай-давай... Хочешь, картошки сварю, у меня тут плавают три штучки, – Рита звякнула зубами о банку, открывая жёсткую капроновую крышку. – Можно яиц сварить, – она кивнула на пластмассовый лоток с масляно-блестящими яйцами.

Игорь чувствовал себя немного неуютно от её скудного гостеприимства и, несмотря на голод и мокрые ноги, боялся расположиться «как дома». Что-то мешало. Пока Рита пропадала на кухне, сел на кровать, стал растирать ноги руками. Помогало слабо. Сунув всё-таки носки в батарею, Игорь задумчиво пошевелил пальцами – как бы спросить у неё про туалет, или выйти в коридор и поймать кого-нибудь... Но и светиться здесь тоже не хотелось... Чьи-то маломерные тапочки у входа – не босиком же в них соваться, неизвестно, кто... Он всё-таки надел мокрые ботинки и вышел в коридор.

Когда он прошёл, Рита уже поставила горячую кастрюльку с картошкой на доску и пыталась расчистить место на столе, заваленном книгами и мелким мусором от сломанной полки, и Игорь, не зная, как ей помочь, вновь почувствовал себя не на месте.

– Ты бери себе, а я сейчас хлеб порежу...

Хлеб она резала на весу, на себя, стряхивая крошки с колен на пол:

– Тут всё равно не слишком чисто, потом подмету...

Он случайно взглянул на её босые ноги – к щиколотке присохли какие-то травинки, мелкие семена... Лодыжки были нежные, а пятки – пожелтевшие и загорбелые, все в струпьях засыхающих мозолей бесчувственной кожи. Так хотелось взять и согреть эти беззащитные ноги, как свои, в ладонях... И опять смутился, будто Рита могла перехватить эту мысль...

– Ой, кильку-то... Сейчас...

Она взяла маленький, совершенно странной формы консервный нож и аккуратно, по кругу, вскрыла банку.

– Интересная конструкция...

– Да, здесь таких нет – из дома привезли...

– Уральская мышь...

– Интересно... Я её так не называла, хотя с четырёх лет пользуюсь...

В дверь постучали, Рита прекратила жевать и поднесла левую руку поближе к глазам, быстрым взглядом поймав показания часов:

– Девять... Это не комендант.

Игорь напрягся и повернулся на стуле, а стремительная Рита вдруг замерла в своем движении, вопросительно обернувшись к нему, словно спрашивая – кто же пойдет к двери и надо ли вообще идти.

– Рит, можно тебя на минуточку? – просунулась в дверь уставшая ждать бородато-кучeryвая голова, и Рита молча вышла, дожёвывая на ходу.

– Нет ли у тебя немножко денежек, тысяч пятьдесят...

Только Юрий мог так вкрадчиво просить и вежливо сделать вид, что не заметил Игоря в полутьме комнаты.

– Сейчас – нет...

– Я бы отдал...

– Нет, не могу...

– Понимаешь, все магазины закрыты, а я только пришёл... Хлебушка, молока не найдётся?

– У меня яиц пять штук и колбаса копчёная вроде оставалась, сейчас, – разделила она последнее слово уже через порог, протягивая огрызок колбасы, два кусочка хлеба и гремя в миске яйцами. – Возьми ещё масло, а то испортится, – протянула Рита поллитрушку с жёлтым куском масла в чуть нагретой качающейся воде, – я сегодня богатая...

– Посуду я сейчас занесу...

И действительно, через минуту зашёл, неся в красной железной миске пару лампочек-соток – Юрий работал в театре электриком.

– Ты мне ещё патрон хотел сменить...

– Ну, я как-нибудь на днях...

Чай уже подостыл, и Рита отхлебнула из большой щербатой кружки, держа её двумя руками, будто греясь, а Игорь тянул чай из блюдца маленькими глоточками.

– По-московски, из блюдечка...

– Купеческая привычка – в роду купцы были...

Всё она делала резко, будто внезапно – быстро встала, вкрутила лампочку под зелёную шляпку настольной лампы.

– Ну вот, теперь – как в Кремле, – сказала она довольно.

Аквариумы разнокалиберных банок на подоконнике, связанный из тряпок коврик, задвинутый под кровать, при входе – мусорное ведро с избитой копиркой и кофейной жестянкой, и это удивительное имя – Маргарита, и зачем она здесь?

– Давай я посуду помою...

– Да я сама, сиди...

И всё же ей было приятно, что посуду они мыли вместе.

– Мне кажется, что всё это уже было... Французы называют это дежа вю... У тебя так бывает?

– Конечно. В том году – ну да, уже год прошёл – у меня два месяца жутко болел зуб. Я знала, что вставать за талончиком в шесть утра, а дело было в сессию. Ну, на античке, если помнишь, была уже хороша – за щекой будто арбуз спрятался, и как сдала – на четвёрку, кстати – не понимаю... Вот мама и говорит – на тебе деньги, иди к платному, метро Сокольники и адрес где-то там... А я – не завтракавшая, в голове – стреляет, в глазах – круги – почему-то твердила адрес – Красносельская, 19, и в таком полусонном состоянии уехала до метро Университет, уверенно села в подошедший автобус, слезла на остановке с каким-то строительным названием и пошла дворами, будто всю жизнь тут жила... Ну, выдрали мне там зуб с двумя уколами, в метро обратно – грохнулась в обморок, а выходить – отлетели подошвы от босоножек, так что до дому шла босиком. Маме как сказала – да я ж тебе совсем другой адрес дала... Тогда я поняла, что приснилось... Мне вообще в Москве часто адреса снятся. Недавно просыпалась с мыслью – Декабрьская, 10, но пока не знаю, что это такое...

– А мне часто снится кошмарный сон – будто меня сбивает машина... Я перехожу по пустой дороге, ночью, никого нет – и вдруг появляется машина... Потом – множество людей, все галдят, а я кричу – и никто не слышит, просыпаюсь – сердце колотится, будто боясь остановиться... А ещё про собак... Будто я иду, а рядом бежит свора собак – такая собачья свадьба... Я боюсь, но виду не показываю, стараюсь идти быстрее – а они бросаются все за мной, я бегу, а ноги ватные, задыхаюсь – и просыпаюсь в холодном поту...

– А мне недавно снился сон про казнь – будто меня за что-то хотят казнить – причём на рассвете, топором, и я сижу в камере одна, ожидая этого... Вспоминаю всю свою жизнь – а жизнь будто и не моя – ну, всё это со школой, институтом, зачётами... Будто я проживаю чью-то жизнь в чужом теле и жалею о том, что всё это кончится, что много недоделанного... Мне приносят еду – но я не помню, съела я или нет, только вдруг понимаю, что уже рассвет и сейчас придут... За мной приходят – я вижу плаху, топор – и мигом вся моя жизнь проносится предо мной, я всем прощаю, я вдруг вижу, что все мои дела завершены, поднимаю глаза к небу, вижу солнце, опускаюсь на колени, мне убирают волосы с шеи – и просыпаюсь... Такое было светлое чувство... Не знаю – память ли это или просто какой-то внутренний отчёт... У меня вообще лет до шести вызывало удивление, что я живу, здесь и сейчас, будто я где-то в другом месте должна быть и что-то другое делать... Я носила на большом пальце кольцо с тремя «брильянтами» и у меня возникало странное чувство, которое называлось «и я живу», а воспитатели заставляли есть, ставили в угол, закрывали в спальне... Потом это чувство как-то смазалось, но я с тех пор чётко знаю – для чего живу и боюсь растратить жизнь на какую-нибудь ерунду... На первом курсе я была вся в учёбе, думала, что это сейчас главное, поэтому ты и не мог ко мне подойти...

– Я тоже знаю – для чего и как нужно жить... У меня нет такой уверенности, как у тебя, но я понял, что вот через это всё надо постичь высший смысл в жизни... Мне постоянно снится книга, которую я читаю и с интересом жду – что там дальше, но когда просыпаюсь – сразу же забываю, понимая, что это книга про меня, и там будто бы записано моё будущее, и нельзя выносить это из сна...

– Я однажды записала в дневнике сон – не помню, было ли это что значительное или просто так – но отец взял и прочитал, а потом корил меня – ты! в своём журнальчике! – моло-

дой девушке должно сниться колосющееся поле или цветущие яблони! – к замужеству, к богатой жизни... Понимаешь – *должно* сниться! Это потом повторялось не раз, и раньше тоже было, но тот случай... И орал на меня – выражениями из писем, которые я хотела отправить, и тот рисунок, который мне не хотелось называть «Взгляд из толпы», и я подписала – «Одиночество»... «Это какое же у тебя одиночество, ты что – бабушка столетняя, у которой никого нет?!» Это ещё из доарестного... Да и потом он мало изменился... Удивительно, что я могу сказать тебе всё это... Раньше – и написать нельзя, я одно время по-английски дневник вела, зашифровывала, сокращала...

– А я в детстве всегда рисовал войну, машины, солдатиков, а однажды, лет в 15, захотел нарисовать человека, но получался всё тот же нестигаемый солдатик, и я попробовал нарисовать без одежды... Потом этот рисунок нашли – и мне было неприятно, но никто ничего не говорил и по столам не лазил...

– А у меня вся жизнь прошла в постоянных оправданиях, вранье... Нас с братом к бабушке с дедом не пускали, и вот мы идём домой – придумываем, кто что скажет... Я так боялась его... После ареста вроде присмирел, как понял, что мы без него иначе жили, а потом опять... Если б не Москва, я бы там не выжила... За год бы сломалась после Челябинска...

Дверь медленно, со скрипом, открылась. На пороге стоял Вовка Ковтюх – высоченный, как Останкинская башня, и шатающийся от водки, как от ветра. Рите на миг показалось, что он сейчас возьмёт и рухнет – картинно, носом вниз, не успев подставить руки.

– Света здесь?

– Нету, нету...

– Она мне в долг обещала...

– Да нету её сегодня...

– А ты мне не одолжишь?

– Нету у меня денег...

– Я верну!

– Ты мне за прошлый раз десять тысяч должен...

– Я сразу всё отдам, как деньги появятся, ну ей-Богу...

– Да нету же у меня!

– Ну я отдам, ей-Богу...

– Денег нету, водка есть, полбутылки...

– Давай!

Глаза его заметно оживились, когда он взял бутылку и посмотрел на свет.

– А тут меньше полбутылки!

– Ну, сколько есть...

Рита устало прислонилась к двери спиной:

– Вот как вечер, так начинается... Никакого покоя... Не сессия, а сплошной день солёного огурца... Щас ещё за стаканом припрётся кто-нибудь... Подогреть ещё чаю?

Игорь молча кивнул. Рита поставила чайник на плитку:

– Вообще-то тут запрещается, но многие держат... У некоторых даже двухконфорочные...

– Поздно уже, мне идти надо...

– Да, темно...

Печенье уже всё доели, поэтому последнюю чашку Игорь допивал впустую, чувствуя смутную вину за то, что всё съел... Она, будто прочитав его мысли, сказала:

– А я в сессию часто и поесть забываю... На первом курсе, когда мама уехала, питалась чёрным хлебом и «кубическим» бульоном, а потом так хотелось сладкого, что ела сахар ложками, пока Маринка – её тогда ещё не выгнали – с шоколадкой не появилась... А в прошлую сессию мы с мамой вдвоём на одной кровати спали... Дома-то у меня была своя комната –

с видом на рябину, двор, железную дорогу... А с дивана ночью было видно какую-то яркую звезду... А здесь только башня по ночам светится...

– А из окна больницы Большую Медведицу было видно... У меня как раз тогда «Марсианские хроники» были, помнишь: «Звёзды просвечивали сквозь него»?

– Да... Давно не перечитывала... Хожу тут по библиотекам, как бедная родственница, а там – целый шкаф...

– Хочешь, дам тебе?

– С удовольствием бы, да всё сессия съедает...

И тягучая пауза, как перед дождём, когда воздух от неба до земли – как одна прозрачная тугая капля.

– Ну, я пойду...

– Да, собирайся, а то скоро ещё и комендант нагрянет, он же там с охраной в телевизор пялился, когда ты проходил...

Игорь уже стоял в ботинках и натягивал куртку, но уходить вот так просто не хотелось... Надо было сказать что-то важное, что-то тёплое, чтобы не оставлять её здесь одну. Что в этот раз труднее было без неё. Что теперь надо всегда быть вместе... Или какая она красивая в этой белой футболке и голубых джинсах – в чём начала сдавать сессию, в том и надо ходить, а то удачи не будет...

И она тоже стояла, будто ждала чего-то – прислонившись к косяку и убирая со лба невидимые золотые волоски... Это как своя привычка – даже в ванной – вечно поправлять очки... Память тела...

– Я так и не позвонил своим, волнуются...

Не то надо было сказать...

– Я знаю, что ты дойдёшь благополучно. Интуиция. Пошлют меня на железную дорогу Мишку искать, а я иду и думаю – и чего это все на ушах стоят, ничего с ним не случится... Я в шесть лет болела – со мной мама лежала, целый месяц несбиваемая температура 40, которую я уже и не чувствовала – и вот, даже в полубреду, в жару – чёткое сознание, что *сейчас* я не умру, что точно доживу до взрослых лет... Так было странно, что никто этого не понимает...

Там, возле низкого столика, можно было хоть руку ей пожать, хоть случайно прикоснуться, а здесь – ни обнять, ни поцеловать – отошёл аж на три шага, будто и впрямь хочет бежать домой... Чего она ждёт от него в молчании? Почему не скажет: «Пока!» или «Счастливо!» и не проводит, закрыв дверь? И он – зачем не застёгивает куртку, будто хочет взять Риту и спрятать на груди, как котёнка?

Останкинская башня, как свеча, стояла посередине окна, разбавляя сплошную черноту двора. От разбухших, перекосившихся рам веет холодом – Рита даже сунула ноги в тапочки, но её беззащитные лодыжки – он чувствовал – замёрзли...

– Детство – вообще странное время. Как наказание. Столько всего ещё понимаешь, чувствуешь, помнишь – и не выразить никак... Да такая ещё беззащитность и беспомощность... Всегда было противно слышать про счастливое детство или золотое детство...

– Не знаю... У меня было вполне счастливое детство...

Конечно, счастливое – тогда ещё он не рисовал эти переглядывающиеся зеркала, из которых рвётся что-то непонятное, тогда не было этой раздвоенности – всё было единым целым, прочным и неколеблущимся...

– А я просто не могла беззаботно прыгать, когда знала, что есть иное... Лет в пять, например, я подумала о том, что есть смерть, и мы все умрём... Тогда зачем есть, умываться, ходить в детский сад... Родителям я, конечно, ничего не говорила... Они меня только о том и спрашивали – что было сегодня на обед и почему у меня всё платье в компоте... А потом, лет в семь, я вышла во двор – и вдруг всё – сушка для белья, лавочки, деревья, песочница – для меня растроилось и держалось так около секунды... Я тогда что-то поняла – то ли о трёхмер-

ности мира, то ли ещё что... Сейчас не могу даже вспомнить, потому что надо вернуться туда, в прошлое, и в том состоянии... А ещё раньше, года в три, когда я болела, но лежала с открытыми глазами – из стены выползали огромные белые полупрозрачные черви с меня толщиной! Безглазые, но с ощущением взгляда. Я лежала неподвижно, одеяло сползло и я только просила потом маму постирать... И тоже ей не сказала... Вот что это было? Не знаю...

– А я только и боялся, что зубной боли... Меня за руки держали... А так – со смертью я только в 10 лет впервые встретился – дедушка умер... Меня тогда впервые на похороны взяли...

Дверь щёлкнула и открылась, Игорь невольно посторонился. На пороге стоял Саша Матвеев, уже вдрызг пьяный, но ещё держащийся на ногах. Он всегда звал Риту Ирой и говорил, что она похожа на его младшую сестру. Было ему слегка за 30, но выглядел он, как многие пьющие, старше.

– Я стихи тебе прочитаю, – сказал он хриплым голосом и бухнулся на колени, так и не снимая куртки. Он читал удивительно хорошо, с выражением – одно за другим, не сбиваясь – свои-то стихи легко читать наизусть, учить ничего не надо... Но Игорь не мог оставить её одну с пьяным, пусть даже и безобидным – и Рита ещё слышала из комнаты, как он декламирует на лестнице:

– И сердцем всем с тех давних пор возненавидел я заборы...

На часах было уже двенадцать... Только бы он успел на метро...

На счастье Игоря, ему попался вполне трезвый Виталик, проходящий по коридору с ковшиком лапши, который и помог дотащить Сашку до комнаты и уложить спать, потому что сдать его охране, чтоб настучали ректору – как-то слишком...

Ночь была – вся в сиреновом, пыльном холоде. Он не стал ждать троллейбуса, пробежался до метро пешком, а потом ждал поезда, бежал по переходам, перескакивая через ступеньки, пока не выскочил на своей станции вместе с каким-то парнем. Было ощущение свершившегося чуда – то есть полной нереальности и смутного счастья, в которое, проснувшись утром в своей постели, он не сразу поверит...

Обмылком сонным плавала луна...

Автобусов, конечно, уже не было – кто всерьёз будет работать до часу? – так что, поймав машину, доехали с парнем, скинувшись по пятнадцать тысяч...

Мать, конечно, не спала, встретила его в халате, наброшенном на ночнушку – со своими слезами, гипертонией, обвинениями:

– Ну что, наобнимался? Уж оставался бы ночевать, я же волнуюсь, отец не спит, завтра на работу вставать...

– Я хотел позвонить, но не получилось... Я же приехал, всё хорошо...

– Хорошо тебе, а я тут жду, переживаю...

– Иди спать, я сейчас тоже лягу...

Опять этот запах, Рита сказала бы – горько-зелёный, опять кусочек сахара, от которого чай стал горьким и маслянисто-бензинное пятно в чашке дрожало и переливалось... И всё-таки *такого* никогда ещё не было – ни когда они с отцом в девяносто первом хотели идти на баррикады, ни когда он возвращался после концертов, ни после работы в вечернюю смену... Теперь – он боялся назвать это любовью – было ясно, что это, наконец, она...

А Рита, оставшись одна, почувствовала себя очень усталой. Не раздеваясь, прилегла на покрывало, вдруг с ужасом подумав, что, если сейчас он доберётся благополучно, то ей дано будет знать, когда с ним что-то случится... И как страшно будет его потерять и остаться, как сейчас, одной – с этим холодным светом, пронзающим жидкие выгоревшие шторы, с этим бездонным вселенским холодом неба.

Слёзы текли на тощую общажную подушку, и она не заметила, как заснула.

...Она вдохнула жёлтое тепло, и хотелось дышать ещё и ещё... Она вдыхала широко, будто согреваясь изнутри, и вдруг глаза в этом ослепляющем свете поняли – солнечный человек. Он открыл для неё свою грудь – и Рита увидела, как в его рёбрах билось настоящее солнце, бывшее одновременно его сердцем... Казалось естественным смотреть на эту пульсацию жизни, и совсем не страшно. Она то ли плыла, то ли летела в этом тепле, чувствуя, что становится горячее. Рита набрала воздуха, ещё раз вдохнула и выдохнула, уже проснувшись. Хотелось умереть, чтобы дышать этим бесконечным теплом, чтобы жить в этом сплошном мгновении невыносимого счастья, от которого закололо сердце...

Она даже не сразу вспомнила про Игоря...

Глава 4

Философия одиночества

Сессия началась как будто неожиданно, вдруг – Рита чувствовала себя как бегун на короткие дистанции, которого заставили бежать марафон. Приехала Светка, в комнате сразу стало тесно от её платьев, плойки, фена, катающихся по столу тюбиков помады... Правда, она привезла две стопки книг, так что в библиотеках можно было не сидеть. Вечерами она приставала к Рите с дурацкими вопросами и от нечего делать рассказывала про какого-то там Славика, настойчиво требуя откровенности взамен. Когда становилось совсем невмоготу, Рита уходила в библиотеку, благо, открытую допоздна специально для тех, кого достали безалаберные соседи – гонять диктофон, поминутно щёлкая кнопками да шуршать разлетающимися листами чужих конспектов.

Главное – вовремя найти место, потому что иначе придётся забираться на чердак, откуда время от времени появлялись выходцы «с того подъезда», мимо охраны, и куда заваливались всё те же безалаберные соседи, к тому времени изрядно поддатые.

От долгого сидения затекала спина, и Рита, слегка отупев от истории, пошла к Светке – может, хоть отстанет от притворяющегося спящим человека. Выключить свет, задернуть оборванную шторину, и, зарывшись лицом в подушки, попытаться вспомнить хоть что-нибудь о «философии жизни» – Фрейд, Сартр, экзистенциализм...

– Что это ты тут делаешь в темноте?

Рита очнулась и поняла, что всё-таки успела заснуть.

– А, ты спишь? – мигом отреагировала Светка на её сонную физиономию.

– Уже нет.

Но вставать теперь не хотелось. Хотелось лежать, доверившись тяжести усталого тела, и чтобы Игорь был тут... От его ласкового поглаживания мигом бы воспрянула спина, и сильнее забилось бы взбодрившееся сердце и опять бы затуманилась голова, потому что захотелось бы его обнять и лечь рядом... Хорошо хоть Светка углубилась в учебник, а то могла бы увидеть горячие, как при болезни, глаза и покрасневшие уши. Рита рывком встала, дотронулась до чайника, плеснула тепловатой воды в давно пропитавшийся мокрым сахаром кофейный порошок. Она знала, что теперь жар подступит к губам, глазам, дойдёт до пальцев ног, и сердце, разогнавшись, будет бухать в голове...

В дверь осторожно постучали и, не дожидаясь ответа, впустили в комнату тусклый коридорный свет, отражающийся от масляно-коричневых стен. Колька с дымящейся сигаретой в зубах:

– Можно у тебя диктофон?

И что за пакостная привычка? Хоть бы вытащил изо рта... Смотреть противно.

– Зачем тебе? – вяло отозвалась Рита, тут же соображая, что на дурацкий вопрос ответ вряд ли получит, а диктофонные записи прослушать уже не успеет.

– По работе надо. Я сейчас договорился...

– И как ты будешь сдавать?

– Пойду завтра со следующей группой...

– Ты же вроде домой уезжал...

– Уезжал. Вчера приехал...

– Ну и как там?

– Хреново. Чайник кипит два часа и горячую дают с двенадцати до двух. Зато самостийности поменьше, все сразу – за Россию...

– Тут немного кнопка заедает и батарейки скоро сдохнут...

– Ничего, я новые купил... Ну, с меня – шоколадка, – закончил Колька и закрыл дверь.

Как всегда после кофе, смертельно захотелось в туалет, а когда Рита вернулась, у Светки уже сидел какой-то парень и слушал блатные завывания магнитофона. Не хватало ещё только этого! И так никакого покоя... Ладно, ещё час на библиотеку – авось он уйдёт...

Но через час он пил водку, через два – налил Светке стопку, о чём-то бубня... Пришлось вызвать Светку в коридор.

– Да не знаю я его! На проходной не пускали, наверно, через чердак из соседнего подъезда забрался. Говорит, что его комендант не пускает к девчонке, просился посидеть. Сидит – и не уходит, я его выпроваживала, выпроваживала...

– Ну и что теперь делать?

– Не знаю. Коменданта звать. Только пошли вместе, я с ним боюсь...

Ну вот, ещё и боюсь... Это ж надо так влипнуть! Как всегда бывает по закону подлости, коменданта на месте не оказалось, и Светка ушла курить на лестницу. От недосыпа, от шума кофе в голове, от бесприютности ли – Рита вдруг услышала тихую музыку – небесную, звенящую, и много в ней было такого, что спасало от тоски и безнадёжности. Из подвала сквозило, и оставалось только жалеть, что не взяла носки. Дверь хлопала, влажные звёзды слезились в темноте... Хотелось забиться куда-нибудь, где не будет этого всего – и питаться только звуками неведомой музыки. Хотелось, чтобы Игорь узнал и почувствовал, чтобы забрал отсюда...

– Чего ты тут мёрзнешь, пошли в спортзал, там тепло...

Хорошо, что ключи у Инги. Действительно, тепло. Обруч, что ли, покрутить, или пока с гантелями... Ни на что не хватало сил, и через десять минут Рита в изнеможении повалилась на маты.

– Тут пыльно!

– Пусть.

– Хочешь, пошли ко мне. Я сегодня ухожу, никого нет...

Видно, Инга всё поняла. Хорошо хоть есть куда обратиться...

В полночь дверь заскрипела и открылась, по босым ногам мышью пробежал сквозняк, и Рита опять проснулась. Надо забрать свои пожитки, чтобы с утра не суетиться...

...Замок был выломан «с мясом». На кровати, поджав ноги, сидела Светка в бигудях и невозмутимо листала конспект. Можно подумать – что понимает... «Одни финтифлюшки в голове», – подумала Рита.

– Ты куда?

– Я ухожу.

– Надо комнату сторожить, мастер будет в среду...

– Сторожи себе, а я – спать.

– Как я комнату оставлю? Деловая...

– Не знаю. Я никого не пускала, и мне всё это до смерти надоело.

– Тогда ты сдавай завтра, а я пойду со следующей группой.

«Интересно, кто же будет в первой группе?», – подумала Рита, но ничего не сказала.

Москва утомляет. Только в сессию понимаешь, как тут шумно, пыльно и как плохо, когда никому до тебя нет дела. Где-то у соседей сверху что-то сверлили, на улице орала дети – надо же, и сам так орал когда-то... Надо будет позвонить в деревню – они вроде приглашали приехать, но всё равно неудобно без предупреждения... Он налил ванну, разделся, взял газету – но строчки перед глазами прыгали, читать было совершенно невозможно... А в детстве так хорошо было забраться в ванну с книжкой! Страницы, правда, отсыревают, но быстро восстанавливаются на батарее... Однажды, правда, «Остров сокровищ» нырнул на самое дно, и мыльные разводы остались до сих пор...

Вытираясь, Игорь вдруг почувствовал голод – а ведь вроде ел недавно, чем они кормят – воздухом, что ли? – бросил на сковородку холодную курицу, отлил в ковшик супу. В общаге

– «вечный огонь», а тут – жди, пока электрический счётчик проснётся и забегает... Надо её как-нибудь пригласить, когда родителей не будет...

...Светка с порога встретила её вопросом:

– Кофе хочешь?

– Хочу, – насторожилась Рита. Не так уж часто угощают настоящим кофе, да ещё и с булочкой.

– Я сейчас поеду поезд встречать, мне мама подарки с проводницей передала... Через пятнадцать минут выхожу...

...Так вот зачем кофе угощают! Надо будет сумки тащить.

Но вскоре выяснилось, что подарков – всего одна сумка, так что после поезда она, наверно, в Истру...

– Я сегодня здесь не ночую, учебники тебе не нужны?

– Да нет, конечно...

...После Светкиного отъезда в комнате всё ещё пахло кофе, но уже просачивались из-под двери горячие запахи моментальной лапши, да подтягивало из «предбанника» раздражающе-сладкими Светкиными духами.

Если бы он приехал... Можно было бы прошмыгнуть мимо охраны без паспорта, они как раз сейчас расслабились – и переночевать вместе... Немного страшно, конечно, но ведь это же он, он, а не абы кто, кого стоит опасаться... Рита моментально впрыгнула в тапки и залпом проглотила этаж, но к телефону шла медленно, покрытая красными пятнами и тяжело дыша. Напрасно. Никто не подходит... А телефон сразу же захватили корейцы с аспирантского этажа... Звонить больше не хотелось, а читать философию не было сил. Рита, поворочавшись на постели, вдруг заснула. Ей снился странный сон – ветер трепал её волосы, заставляя жмурить глаза, но она всё равно, высунувшись из окна поезда, хватая лёгкими горячий ветер, кричала: «Красиво! Посмотрите, как красиво!» Никто не слушал её, все оттягивали от окна, потому что вослед, переливаясь жаркими красками, текла горячая лава извергающегося вулкана, и гарь забивалась в ноздри... Было ощущение невероятной красоты, а когда проснулась, стало почему-то стыдно.

Недаром же говорится – что ни делается, всё к лучшему, или – всё благо в этом лучшем из миров, как сказал бы сейчас Вольтер, если бы увидел усталую, запылённую Светкину физиономию и удивлённые Ритины глаза.

– Представляешь, ключи забыла. Приехала – а их нет, соседи говорят – кто-то к ним приехал – и укатили на белой машине... Дядя Миша, наверно, это в Монино, совсем в другой конец...

– Есть хочешь?

– Голодная, как волк.

Теперь уже Рита суетилась, разогревая картошку и чай.

– Расскажи хоть, как замок выломали.

– А очень просто. Он – сидит, слышит коменданта, влезает в шкаф, а я ничего понять не могу – куда делся, вроде был... Комендант ушёл, а этот опять высунулся – и по новой. Ну, второй приход коменданта – а он до того назюзюкался, что и в шкаф не успел. Схватили, выталкивают – а он здоровый, за всё цепляется – ну и вырвал...

– И всё это благодаря редкой способности вляпываться в разные истории, – ядовито сказала Рита, но получилось – сочувственно.

Когда в одной отдельно взятой голове от досократиков до экзистенциализма даже ближе, чем рукой подать, хочется отстегнуть эту самую голову и экзистировать как-нибудь иначе, кроме как с книжкой поперёк кровати. Буквы перед глазами прыгали. «Фалос» – бросилось в глаза слово. Рита удивилась, что неправильно, пока не сообразила, что это все-таки Фалес Милетский, и подумала, что, наверно, краснеет... Фаллические культы, элевсинские мисте-

рии... Но вот Григория Назианзина она про себя упорно называла назианзяном, и он представлялся ей похожим на маминого знакомого Акопяна. Впрочем, будь он хоть трижды Назианзяном – христианство стирает национальности – «нести ни эллина, ни иудея»...

– Ты про Снежанку слышала?

– А что?

– Да она в монастырь ушла... давно уже собиралась...

– Куда не соберёшься, если парень бросил...

– Ну, у неё всё серьёзно... И не бросил он её, а застрелили его по ошибке...

Светка всегда всё знала. Снежана Романова... Красавица, и имя какое-то особенное – белое, светлое, как вся она... Неземное имя... Всё правильно...

– Пойду прогуляюсь.

И спешно впрыгнула в туфли, боясь, что Светка увяжется с ней, тогда когда Рите хотелось побыть одной.

Но дымчато-бензинный тополиный воздух с желтым клеем листвы, напоминавший о необлизанной кромке конверта, не успокаивал, не освежал. В голове крутилось: Кришна Васудеба, а из окон пятого этажа несло: «Харе-харе, Кришна, харе-харе, Рама, где ты, моя крыша, тута или там...» Вот как Светка расслабляется. Хоть бы потом догадалась выключить.

Кришна Васудеба – вспомнилось вдруг из учебника. Судеба – подумалось вдруг – вот так, с ятями, будто написанное в учебнике старославянского, а потом уже пришло... Судьба... Так вот оно что – индоевропейцы, конечно, но чтоб настолько... Мойры, Эриннии – это греческое обожествление самих законов бытия, но не первоосновы их... Влажная душа пьяного... Платоновское иносказание о пещере... Немецкая классическая философия никак не лезла после этого всего, не желала запоминаться... Надо будет повторить хотя бы с утра.

Уже было темно, от ближайшей кафешки расходились пьяные компании, поэтому пришлось вернуться.

Светка исчезла вечером предэкзаменационного дня, как была – в халате и тапочках, с мокрыми волосами. После двенадцати Рита забеспокоилась: может, ей приспичило выйти на улицу, а там – затолкали в машину и увезли куда-нибудь... А может, пошла к кому-нибудь ночевать? Но почему ничего не сказала? До двух часов Рита ждала её, а два часа длились и длились, и когда было уже светло – часы по-прежнему показывали два, а на соседней кровати в одежде лежала Светка.

– Сколько времени?

– Девять, кажется... Да, девять...

– Где тебя носило? – спросила Рита, лихорадочно собираясь.

– Да я зашла к Верке – а у неё окно открыто и стоит на подоконнике... Ну, мы всю ночь, я её еле отговорила...

– Собирайся!

– Щас замок придут вставлять...

– Так ты же в первой группе!

– Объясни там за меня...

Голова ничего не соображала. Все, что Рита могла вспомнить о каппадокийском кружке – вопрос, вкладывает ли Бог душу в момент рождения, или она появляется с момента зачатия. Хуже всего, что это всё вызывало злость и досаду – тоже, нашли о чем спорить, будто и так не ясно. Второй вопрос был про Канта, немецкого философа из города Калининграда, и в голове вертелось, что-то из Булгакова, что за такие доказательства его надо на Соловки... «И звездное небо над головой»... «И увидите новое небо и новую землю»...

– Да половина наших не сдали... Ты – в хорошей компании, – пытался отшутиться Игорь, но видел, что сейчас ей это не поможет.

– Он меня завтра звал на пересдачу, да разве я успею в один день... И так голова чугунная...

– Пойдём прогуляемся, я мороженого куплю...

– Да...

Как она обрадовалась мысли о сладком – совсем ребёнок... Много ли человеку для счастья надо... Любви... Да, любви, но иногда – просто участия.

– Ты обязательно всё сдашь. Ты только верь. Понимаешь, надо верить, не скатываться в депрессию...

Рита кивала. Красные пятна растворились в её лице и сейчас издали даже нельзя было понять, хотя всё равно видно – какая она несчастная и осунувшаяся. Взять бы её с собой, отогреть...

– Если будет пересдача – придётся билеты сдавать... Я всегда беру с запасом, а тут...

– Не будет, я верю в тебя...

– А ты... хочешь со мной поехать?

– Хочу... Только вот как с деньгами...

– Это как-нибудь, главное – заранее договориться... Я сегодня скажу...

– И я родителей озадачу...

На следующий день голова удивительно прояснилась, и философ, пораженный тем, что Рита отвечает без шпаргалок, поставил четвёрку, «с учетом вчерашнего».

Она бежала домой – в то, что стало ей домом – через длинный ветер тоннелей в метро, через долгие переходы – чтобы скорее встретить Игоря и его родителей, потому что со стороны матери никаких возражений не было.

Но возражать самой судьбе было бесполезно. Как раз в тот день, когда он собирался за билетами, позвонил отец и сказал, что тетя Аля сломала ногу. Хотя он знал, что в таком возрасте перелом ноги – дело серьезное, до поездки в больницу ещё была надежда, что ситуация изменится и совместное лето хоть и чуть попозже, но улыбнётся им.

Сестёр звали – Алла и Алевтина. Они были похожи как близнецы. Только с возрастом Алла становилась всё тяжелее, спокойнее, а Алевтина так и осталась подростком – костистая, горбоносая, так и не вышедшая замуж будто бы для того, чтобы теперь ухаживать за полупарализованной матерью.

Из больницы Игорь поехал сразу в общагу. Рита была с матерью – все такой же неунывающе-бодрой Ариной Петровной, которую он помнил со дня рождения, и невозможно было поговорить по-человечески.

«Сирота Казанская» – грустно улыбнулась она ему, указывая взглядом на здание вокзала. Он занёс сумки в вагон и обещал писать...

...Она писала фиолетовой ручкой, паста впиталась в бумагу с двух сторон, а от того, что протаскал письмо целый день в мокрой джинсовке, буквы слегка расплылись и чем-то напоминали покрасневшие солёные губы и обведённые красным ободком розоватые глаза под слипшимися треугольчатыми ресницами. И так увиделась вдруг она – согнувшаяся за столом, со свечками, дрожащими от неровного дыхания... Рита всегда садилась на кончик стула и писала второпях. Будто её сейчас сгонят... Так же и там сейчас – пишет и закрывает написанное рукой...

Писала, что вернулась в прошлое – прошлое без него и до него, что свет уже выключен, что в комнате её тархтит под ухом холодильник, что в тумане из окна видна половина телевизора на горе. И сквозь это всё – тоска, печаль, любовь – как водяные знаки.

Надо отвечать ей спокойно, надо всё пропитать своим спокойствием, чтобы ей там было легче. Что тетя Аля выздоравливает, родители по очереди берут отпуск в июле и августе, чтобы отпустить его...

Письмо, неотправленное, так и лежало в куртке, а он уже ехал в деревню, в Рязанскую область, подальше от пустеющей летней столицы, надеясь на купанье в Дону, сенокос, тишину...

Теперь она уезжает в санаторий, и нельзя будет ей ответить, письма будут приходить в Москву, потому что в деревне он не успеет их получить... Его Рязань остаётся ему, как наказание одиночеством...

Надо ей рассказать – вот этот изгиб реки, нависшие кусты, репейные заросли, забеленные жирными гусями, переваливающимися по чёрно-зелёной чавкающей жиже. А впрочем, зачем? Читая в книге описание пейзажа или дома, он всегда представлял своё – двор, переход через дорогу, светофор, урна, стены больницы... Лучше приехать с ней сюда и показать...

Игорь пытался звонить, но никто не брал трубку.

Забросил было дневник, питаюсь одними письмами, но вскоре навестал – каждый день, хрупкий и непрочный сам по себе, как след на песке, каким-то чудом сохранялся в памяти, как огромные рисунки в пустыне Наска.

В заброшенной церкви, давно знакомой и изученной до мельчайших трещин, вдруг поразила свежесть кирпичной кладки. Неужели начали восстанавливать? Оказалось, нет... Местные, деревенские, давно растаскивали кирпич на свои нужды, но дошло до того, что от подобных заимствований грозила рухнуть колонна и часть крыши... Но каким-то ветром занесло сюда столичного кинорежиссера, по слухам, мусульманина. Он привез кирпич, замесил раствор – и укрепил колонну собственными руками, а потом уехал. Все, что говорили о нем деревенские – темноволосый, невысокий, с какой-то длинной нерусской фамилией, которую никто не запомнил...

Игорь и сам был здесь чужаком, как ни старался влиться, вчувствоваться в это непонятное, но чем-то родное место.

В конце восьмидесятых – начале девяностых хлынули в деревню беженцы – с Украины, Казахстана, с Кавказа. Совхоз построил им бетонные коробки, половину обжили, но многие так и остались стоять под открытым небом без крыш, окон и дверей. Новый район-не-район – закоулок окрестили Шанхаем, и с живущими там знаться не желали, одни только дети водили дружбу с приезжими, да и то, может быть, потому, что ходили в одну школу – до сих пор не закрытую и не расформированную.

«В доме идет дождь» – подумалось вдруг Игорю. Он вспоминал что-то из Цоя, но не мог вспомнить, и стало ему вдруг не по себе, как будто в мёртвом теле нежилого дома с ним могло что-то случиться...

Дождь был холодный, сильный, и принёс с собой короткую непогоду, но зато все оставшиеся две недели стояла такая жара, что Игорь ежедневно купался в Дону...

Три письма ждали его на столе, среди рекламных листовок и ненужных газет. Буквы на первом конверте были выцветшими, будто напитавшимися пылью, и письмо было написано красной ручкой, будто бы подтаявшей, так что на обратной стороне листа расплывалось длинное пятно – как рубец от ожога. Второй конверт был надписан кончающейся ручкой, и перебивчивый тараканий пунктир места назначения несмело переходил в уверенную маслянистую вязь адреса отправителя. А третье письмо было в каком-то розовом нестандартной формы конверте, и он почему-то ждал от него фотографий, но фотографий не было... Там она писала про сон, однажды приснившийся на рассвете – будто он, постоянно отряхивая пятки от налипающего песка, переодевается под кустом акации. И, хотя никого больше нет, он торопится и оглядывается, небо полнится дождём, она смотрит на него и видит, как ложится на его тело тень накренившегося двухметрового репья, притаившегося разбойником в засаде.

Там была хвойно-туманная сырость горного озера, слезящиеся смолой деревянные стены комнаты, дожди и солнце, коричнево-шелушащийся загар и вечерний ветер, и снова – тоска, любовь, одиночество.

Он вдруг понял, что Рита любит его – понял так ясно, будто она проговорила, хотя он выучил это письмо почти наизусть, прежде чем в сознании смешались сон и явь – его ненаписанные письма и её недошедшие ответы.

Он писал ей, а строчки рвались вверх и наискосок, и там, где Игорь принуждал себя писать прямо, вдруг появлялись какие-то линии, завитки, точки – то натянутая кожа её груди между двумя холмами, то узкий вытянутый пупок, увиденный когда-то на стадионе, то руки её – тонкие, но сильные, то чудесный изгиб бедра, едва угадываемый под одеждой. Он чувствовал, что не может писать дальше, но иначе – не мог, все слова были вымученными и неискренними. Оставалось только ждать, когда же Рита придет и сама разберётся в нём, потому что только она одна может увидеть его целиком, как и он – её. Это вдруг стало ясно как дважды два.

А вскоре пришла и телеграмма, чтобы ехал встречать...

Глава 5

Встреча

Всё было так, как он хотел – телеграмма пришла ему, и Арина Петровна позвонила, что уезжает в Липецкую область на свадьбу каких-то дальних родственников. Он уже и забыл, что есть такой старомодный способ связи, как телеграмма – сухой, волокнисто-коричневый, всё это примите-распишитесь... А что делать, если даже голоса её по телефону не услышать...

Она, раскрасневшись, вытаскивала сумки из вагона и беззащитными глазами смотрела по сторонам – так бесприютно и одиноко – и вдруг вспыхнула, увидев его.

Они бесстрашно обнялись на вокзале. Рита всю дорогу рассказывала – про ледяное озеро, про целую сумку варенья, про кота, а когда он втащил сумки в квартиру, совсем не хотелось уходить.

Игорь сидел в кресле с чашкой чая, когда вдруг она присела на подлокотник и положила голову ему на плечо. В этом было столько искреннего желания рассказать всё без слов, что он осторожно поцеловал её в шею, и Рита спросила – любит ли он её...

– Целое лето думал об этом... Как ты уехала... Не решился написать...

Вот так просто, само собой вдруг сказалось всё, и стало вдруг удивительно легко.

Пригласил её с завтрашнего дня на дачу, а чтобы не ехать снова по отдельности – переночевать у него...

В полупустом вагоне они сидели рядом, и Рита – не потому, что хотела спать, разве уснёшь с таким громким, грохочущим сердцем – положила голову ему на плечо, а Игорь обнимал её одной рукой и касался её волос своим горячим дыханием, будто целуя... От усталости тело казалось невесомым, хотелось свернуться клубочком у него на коленях, как кошка, и подольше не засыпать, чувствуя его тепло со всех сторон, и чтобы – никого, чтобы никто не знал, куда они едут в этом грохочущем вагоне, да разве это спрячешь? Это счастье и покой, эту сладкую самопогружённость друг в друга, это смущение от вседозволенности вечернего метро...

Неслышно летели по переходам, перескакивая через три ступеньки, словно какая-то неслышимая музыка несла их вперёд и вверх.

Ветерок был не свежий, но и не потно-асфальтовый, Рита сказала бы: «Ветер пыльного вечера». Да, именно пыльный – она умела находить слова – даже облака казались состоящими из бесчисленных розовых песчинок. Может быть, Рита и впрямь подмёрзла, а может, не потерпелась ещё к розовой пыли дымящего вечера – так хорошо было вновь чувствовать, как она ищет его тепла и шептать ей в розовое ухо с золотой сеточкой серёжки: «Я с тобой, я с тобой, хорошая»... И пускай все смотрят, пускай, он защитит её от всех взглядов, отгородит невидимой прозрачной бронёй... И стоять, покачиваясь, в автобусе, вдыхая запах её потной подмышки в редких рыжеватых волосках, и прятать её смущение в сердце, как в нагрудный кармашек рубашки... А Рита мечтала увидеть его обнажённым – с теми же ласковыми глазами, с теми же мягкими движениями рук, чтобы можно было безнаказанно быстро целовать и смотреть, смотреть украдкой, но спиной она чувствовала взгляды, будто бы раздевающие до костей, до мыслей, и краснела так, что казалась полупрозрачной, как тончайшая фарфоровая чашка... «Блюдец-то цело?» – иносказательно спрашивают деревенские о девственности... Боже, Боже мой, что будет? Но ведь это же Игорь, это же он – он, а не первая любовь, ни разу не целованный, и не Женька из Липецка, и казалось счастьем поехать к нему – где можно хотя бы спокойно мечтать, не опасаясь быть услышанной...

Он было подставил ей руку, но Рита сама прыгнула с подножки и проскользнула в переход, где нельзя было ни обнять, ни поцеловать, только идти и идти, чувствуя её руку – лёгкую,

загорелую, вспотевшую, а в пустом лифте коротко обнять и перед распахнувшейся дверью поцеловать куда-то в волосы...

Тишина квартиры бухала, как часы – в кухне капала вода, в комнате родителей под форточкой бумажно трепетала придавленная очками газета, под ногами ошутимо, будто прогибаясь, скрипел паркет...

Оглушённый Игорь прошёл в комнату и, бросив взгляд на её босые, пропылённые по форме босоножек, пальцы, спросил: «Закреть?»

Она кивнула, будто дрожа от холода, сразу сделавшись чужевойтой, будто окаменевшей, а он чувствовал, как поднимается там, внутри, неопишимо-дикий восторг, боялся, что она узнает, но больше всего боялся себя... Хотелось обнять её, присевшую в его комнате на край кровати, но теперь её так легко было испугать, что он только чуть дотронулся кончиками пальцев – от плеча до локтя, где нежная гладкость её кожи вмиг оцетинилась мурашками и тонкие выцветшие волоски встали дыбом...

– Потная я с поезда...

– Иди помойся, горячая есть... Сейчас проверю... Да, есть, – и встал в коридоре, будто бы приглашая идти, на самом деле – загораживая путь, чтобы хоть так, украдкой прижаться...

– Угу, – кивнула она так же замёрзше, и дрожь прошла по телу от грохота белой струи по холодному чугуну ванны.

– Вот здесь собачка, нажимаешь – и всё, – показал он ей на распахнутой двери, опасаясь, что Рита снова задрожит, оказавшись с ним на миг в закрытой ванной.

Она не стала закрываться на собачку – будто он мог видеть и знать – как она ему доверяет! Налила полную ванну – здесь можно скрыться с головой, в полный рост – и лежала, смотря на прозрачный плафон через плотную голубую шторку, радуясь приятному теплу воды, растворяющему все суматошные волнения этой поездки... Ощувив себя, наконец, в безопасности, Рита стала думать, что он сейчас войдёт, разделется и ляжет рядом – чтобы можно было вдвоём – хоть через воду – безопасно стать одним существом...

На кухне загрохотала крышка заварочника, вдруг брякнувшаяся в раковину, когда Игорь убирал в шкаф жестянку с чёрным чаем, и Рита всплеснула тревожной водой прозрачных мыслей.

В кухне качался тусклый свет, законная тьма дрожала светящимися шторками дальних окон, будто языками свечи. Зачем она хотела мыться? А если она выйдет, обвязав влажные бёдра полотенцем? А если наклонится к нему и поцелует, а полотенце будет съезжать медленно, а потом в один миг ослабнет и развяжется – что тогда? Что он сможет с собой поделать? Неведомая ночная женская стихия – непредсказуемая, быстрая, переменчивая... Как легко согласилась поехать...

...В потную футболку и грязные джинсы влезать не хотелось, но смены никакой не было, а выйти к нему в этом коротком полотенце – чтобы рыдать от боли над окровавленной простыней? Чтобы ускорить свой конец?

Лифчик она постирала в раковине и повесила на трубу, рядом с подмокшими джинсами, которые так непредусмотрительно бросила на пол, торопясь...

Вышла к нему в трусах и футболке с полотенцем на голове, улыбнулась, быстро отпила из чашки потрескавшийся бензинный чай и довольно вздохнула, как будто уже ничего не боясь...

Влажные соски розовели под футболкой, полотенце темнело от воды, по спине гуляли длинные подсыхающие пряди волос, а позади неё, возле табуретки, накапало целую лужицу...

– Ты бы посушилась, фен в шкафчике...

Она снова вошла в парное тепло ванной, и коридор после горячего ветра фена показался ей настолько холодным, что Рита натянула полупросохшие джинсы, откидывая мешающиеся пушистые волосы, наэлектризованные и светящиеся.

Но в комнате холод страха снова взял её. Игорь лёг рядом, пытаясь согреть, но она всё равно дрожала и хотела уйти в родительскую комнату, и только в двенадцать удалось убедить её, что там от балкона будет ещё холодней...

Заснула на кровати, побоявшись лечь с ним на широко разобранный диван, но сквозь сон успела шепнуть: «Спокойной ночи...»

Игорь долго смотрел на неё в темноте привычными глазами, сдерживая желание прикоснуться. Взял в руки её мягкие, невидимо золотящиеся волосы, поправил съехавшую подушку и также удивительно быстро и спокойно заснул.

«А поутру они проснулись», – возникла в голове песня, едва только Игорь понял, что Рита не спит, хотя лежала она тихо – видимо, смотрела в окно, на солнечно-голубое небо.

Он приподнялся на постели и сел, поглаживая рукой её лицо, перебирая тонкие шёлковые волосы, а она подняла руку и гладила его руку – от кисти до локтя и подмышек, словно заряжая друг друга спокойствием. Вдруг Рита перестала отвечать на его ласки, вся напряглась, нырнула под одеяло – и, вынырнув уже без футболки, обняла его всем телом, щекоча лицо волосами и редким дыханием. Игорь, чтобы почувствовать её, поспешно снял майку, согревая это доверчивое живое существо своим сердечным теплом. Постепенно сердца их успокоились и бились в такт, а лёгкий ветерок погнал волну мурашек. С сожалением Рита расцепила руки, готовясь уходить, а Игорь, вновь увидев её нежные соски, расцеловал лоб, глаза, губы...

– Пора одеваться, – сказала она и быстро выскользнула из объятий, мелькнув белой полоской трусов.

Она уже чистила зубы – гостевой щёткой – в лифчике, трусах и футболке, когда он, наконец, встал, полностью успокоившись – всё-таки после вчерашнего он боялся её испугать своим яростным возбуждением.

На кухне вскипел чайник, в тостере поджарились хлебцы с сыром – они завтракали, а потом снова ехали в автобусе и бежали по переходам метро, чтобы успеть на раскалённую электричку. Солнце уже оставило о себе память жёлтыми мазками быстро проплывавших берёз, но было ещё целых два дня уходящего лета, чтобы забыть всё плохое и начать новую жизнь, полную радости и доверия.

От платформы шли лесом полчаса. Хотя в тени было прохладно, Рита вся взмокла от быстрой ходьбы, а Игорь шёл впереди с двумя сумками, уверенно показывая дорогу. Отец должен был встретить – так где же он? Или опять часы встали?

Не считая выпитой на ходу газировки, Рита с самого завтрака ничего не ела и теперь, не стесняясь, просила добавки супа, переполненная невидимой радостью, отвечая на вопросы матери. Игорь знал, что отцу понравится её здоровый аппетит, но мать наверняка подумает, что она их объедает, что ничего не останется на ужин и придётся опять готовить, и почему-то вдруг испугался, что Рита почувствует это.

После обеда она заснула, а Игорь, чтобы отвязаться от нудных разговоров, пошёл в лес с фотоаппаратом, пообещав, что огурцы они прополют вместе, но всерьёз даже и не задумываясь об этом.

После ужина сосед подъехал на белой «девятке» и родители с урожаем еле-еле затолкались на заднее сиденье, наказав пропалывать огурцы и на ночь закрывать плёнкой от холода.

И вот они стоят, глотая пыль, под шорох гравия удаляющейся машины, и он снова держит руку на её талии, не веря своему счастью, а она щекотно дышит в шею, пряча лицо...

– Ну что, давай дополиваем картошку, раз уж начали...

Она пустила воду из шланга, придерживая напор струи рукой, ловя искрящие брызги. С ней отлынивать было невозможно и провозились почти целый час, а потом сбежали от комаров в сарайчик и лежали, прижимаясь, чтобы согреться, а потом закипятили чайник и сидели за неудобным железным столиком, ловя сползающие дачные тапки пальцами ног и грея руки о побитые чашки без ручек...

В быстро сереющей темноте вечера вышли в лес, нацепив на себя замызганные дачные куртки поверх толстых штопаных свитеров, и возвращались уже с фонариком-жужжалкой, заеденные комарами, а потом закрывали чахлые огурцы плёнкой, хотя на траве давно лежала холодная роса...

В сараюшке долго гоняли обогреватель, но Рита дрожала от какого-то невидимого холода даже под одеялом. Игорь принёс ещё одно и бросил в ноги телогрейку – только бы она сейчас согласилась лечь с ним, не боясь и не дрожа после сегодняшнего невероятного утра, после которого прошла уже целая обыденно-будничная вечность.

Да, это всё она – в футболке без лифчика, с холодными пальцами ног и острыми коленками, с испуганно бьющимся сердцем, но надо как бы забыть об этом, иначе невозможно заснуть, хотя теперь Игорь знал, что ни за что на свете не причинит ей боли, даже нечаянной. Вот и сбылась давнишняя мечта, когда в счастье не верится, но когда и этого кажется мало...

...Как хорошо просыпаться вместе, открывая глаза навстречу друг другу и безнаказанно целуясь за легкими перекосившимися шторками единственного маленького окошка. Горячая, румяная, будто всё та же – и уже совсем другая – открытая, ласковая... Вопросительно проскользнул пальцами под футболку, ища соски – и было в этом что-то детское, почти младенческое, так что Рита вспомнила тепло солнечного человека и на миг задохнулась, будто проглотив слишком много горячего воздуха, как тогда, перед пробуждением. Расщедрившись, сняла футболку – и вот уже Игорь раздевается в ответ – лёжа на спине, стягивает трусы через вытянутые вверх ноги с большими желтоватыми пятками и старыми мозолями, и так естественно было раздеться и прижаться, чувствуя самое дорогое существо от подбородка до кончиков пальцев...

Рита потеряла ощущение тела, будто где-то в мозгу взорвалась и погасла яркая лампочка – пробежаться рукой по тёплой, безволосой груди, упругому животу, и, не веря себе, поглаживать кончиками пальцев то что-то непредставимо-мягкое, в жёстких волосках, то гладкий, как луковый побег, горячий твёрдый стебель, а рука, как обожжённая, немела, не запоминая восхитительных ощущений... Надо было запомнить, понять, потому что больше такого не будет, только сейчас, пока Игорь, путаясь загрубевшей рукой в треугольнике плотных завитков, больновато надавливает на основание раздваивающихся складочек, потерянный и недоумевающий... От её неумелых движений хотелось большего, Игорь всё пытался направить её руку, но Рита выскальзывала, всё так же ошалело потягивая и поглаживая, пока он не отвернулся...

Это действительно была она, живая и горячая, и – подумать только – совсем его не боящаяся, как тогда, дома... Больше всего было страшно, что она испугается, хотя по-настоящему он действительно не знал, что будет именно *так*.

Они лежали вместе и дышали, разгорячённые взаимным познанием, когда Игорь, всё ещё полуоглушённый, спросил:

– Я тебе там... ничего не повредил?

Господи, да он же и трогал совсем не там, где мог хоть каким-то образом коснуться её девственности! Но теперь, после этого наваждения, Рита уже не смогла бы направить его ласкающую руку туда, где ей было бы приятно, чтобы не подумал, что она уже такая опытная...

– Нет, ничего... А тебе не было больно?

– Даже приятно... А я тебя правда не задел?

– Правда... Ой!

– Что ты?

– Нет, показалось... Это одеяло красное через драный пододеяльник...

– Давай вместе посмотрим, вдруг я...

Отдёрнули одеяло, поворачиваясь в разные стороны, осмотрели простыню...

– Я уж подумала, что у меня началось раньше, хотя ещё целая неделя... Красные дни – добавила Рита, хотя сложно было не понять...

Игорь невидимо покраснел, хотя давно знал, что раз в месяц это у них бывает... Вот уже она не боится ему сказать после всего этого, а всего два дня назад... Слишком быстро и невероятно...

Рита знала, что теперь, после этих удивительных мгновений, не страшно пережить и боль, что для него можно и родить... Было ощущение, как тогда, во сне о солнечном человеке, когда счастье вдруг накрыло с головой...

Теперь хотелось каждое утро просыпаться так... Быть его женой...

– А ты возьмешь меня замуж?

Полуобернувшись к ней, посмотрел в глаза, прижал к себе, чувствуя не горячее тело с мягкими тёплыми сосками, а само сердце.

– Я не готов ещё... понимаешь, нам ещё многое предстоит узнать... ты пока не знаешь меня... Да и сам-то я себя полностью не знаю...

«И познаша жену свою» – пронеслось в голове...

– А у тебя был кто-нибудь?

– Нет...

– Ты извини, я так просто спросила... А у меня была первая любовь – с 9 до 16 лет... Я когда-то в лагере рассказала – никто не поверил, что может быть так долго... Он был меня на год младше, жил в соседнем дворе... Ходили на речку, делали луки из ивы, пекли картошку, стреляли из рогаток, лазили по подвалам... А нас дразнили – тили-тили тесто, жених и невеста... Дрался за меня с двумя сразу... так глупо... Я куда-то убежала, только у подъезда встретились... Бросила...

– Нет... Он должен был за тебя заступиться, если действительно любил...

– А я не знаю... Скорее, чувство было только с моей стороны... В день шестнадцатилетия, когда я ждала его на день рождения, вдруг поняла, что всё кончилось... И осталась только тоска одиночества... Но я и в Москве не искала никого, и не знаю – как тебя встретила... С таким ужасом думала о второй встрече, боялась зря дарить надежду, понимаешь? Мы были такие разные...

– У меня была одна знакомая – Рита Ларина, мы с ней вместе в школе учились в мой последний школьный год перед техникумом... Она потом куда-то перевелась, я её больше не видел... Недавно встретил с коляской... Она так и не знала о моей любви... Хотел ей сказать, начал писать письмо, да так и бросил...

Они лежали и смотрели в потолок, наполняющийся дружным стукотом начинающегося дождя.

– Хорошо так... Люблю, когда дождь по крыше...

Дождь перешёл в слабое шуршание, а потом по крыше снова застучали.

– Это вороны... что-то клюют...

– Нет, дождь, ты прислушайся...

– Вороны... Я здесь не раз ночевал... На крышу нам с соседской вишни косточек нападало – вот они и рады...

В окно проглянул прохладный осенний свет, и они одновременно потянулись за крестиками под подушки и, столкнувшись лбами, улыбнулись...

Нет, он не стал стыдливо-поспешно одеваться, прячась под одеялом, и ещё несколько секунд можно было смотреть – как исчезает его ночное тело под дневными оболочками – джинсы, рубашка, ботинки... Чтобы не повторилось то невыносимое «чувство картинной галереи», когда видишь вовремя подоспевший кусочек ткани или чудом прикипевший фиговый листок, случайно попавший в глаза и хочется сквозь землю провалиться, так и не дослушав о «чудном колорите» и «особенностях сельских пейзажей»... Но куда девать эти радостно-ошалелые глаза? Разве что закрыть и подставить под горячие его поцелуи, чтобы потом вспоминать снова и снова.

Они ехали обратно в потной цветочной электричке, соприкасаясь джинсами и бесчувственными, нарезанными ручками сумок руками, чтобы расстаться почти на сутки и встретиться на ступеньках сентября.

Рита уже знала, что теперь будет страшно проболтаться во сне, в письме, или просто случайно что-нибудь сказать – о том, что теперь она его *знает*... Теперь, что бы он ни сказал, что бы ни сделал – всё это будет лишь дополнением к этому истинному ночному облику, скрываемому дневной оболочкой. Не было знания ни о его прошлом, ни малейшего предчувствия даже о ближайшем будущем – только твёрдая уверенность в том, что теперь она знает о нём нечто главное, и это, невыразимое, так громко и солнечно, что изо всех сил рвётся наружу.

Вернулся её прежний непрестанный страх, вечное напряжение, бывшее в детстве, и она даже не могла сказать об этом Игорю, но, видимо, так и начинается счастье.

Глава 6

Семейные тайны

Если бы ей сказали тогда, в разнеживающем дачном Подмоскowie, что будет *так*, Рита бы ни за что не поверила. Но это было. Всего через две недели они – сильная и слабая группы – сидели вместе на английском, потом – семинар по грамматике, потом – обед... Она в тот день надела серебряное колечко – неожиданный подарок матери, вдруг заглянувшей в ювелирный. На средний палец колечко налезать не желало – и она надела на безымянный. Игорь весь день ходил хмурый, не хотел брать за руку – их тайный знак, что всё будет хорошо – а когда она спросила, в чём дело, он ответил: «Как обручальное».

Подарки матери никогда не бывали для Риты счастливыми. Ни те клипсы, которые она подарила как раз перед прокалыванием ушей – Рита было потеряла их, мать закатила скандал, а потом, когда нашлись – в снегу, возле подъезда, – надеть их было уже невозможно. Ни брошка-бабочка, которая порвала любимую сиреневую кофточку, ни то разнесчастное платье, в котором она плелась по пыльной Челябине после двойки на вступительных...

Вот и сейчас... Неужели больше не будет того ласкового доверия и полной открытости? Эта ореховая крепость бедра – как дерево, очищенное от старой коры; этот горячий, восходящий к солнцу стебель, и ощущение исцеления от своих тайных страхов – этого никогда не будет? Опять застёгнутые отношения случайно столкнувшихся однокурсников? И никогда не вспоминать путь на дачу? Скорее стянуть с себя это невезение, пока не поздно, опустить в кармашек сумки – ну и пусть теряется, невелика утрата, когда весь мир дрожит и множится в холодных каплях дождя, омываясь неостановимыми льющимися слезами.

«Вкушая, вкусих мало мёда и се аз умираю». Это и правда было похоже на смерть, раз не осталось даже памяти. Он и *это* забирает с собой, чтобы *ничем* больше было жить...

Игорь зачем-то шёл рядом и скулил о прощении, как побитая собака. А когда он протянул ей руку, Рита увидела короткий золотой блеск кольца на его пальце – и тогда пришло понимание, что это настоящее, и это *будет*. Большого ей тогда и не надо было. Ждать – да сколько угодно, если всё равно... Октябрь зарубцевал эту рану, но память осталась.

Он лежал обнажённый, хорошо освещённый лампой – так, что можно было впитать его в себя целиком, запечатлеть, запомнить... В такие минуты Рита умела смотреть не только глазами, и даже не только телом, но будто бы изнутри себя, как если бы Игорь был прозрачный и светящийся. Такого никогда не бывало в обычной, застёгнутой жизни и, сколько Рита ни вызывала это ощущение, было ясно: не будет.

Не проговориться бы про то кольцо, хоть оно и будет, хоть оно и вечно – не надо искушать судьбу... Бабочка души, бабочка судьбы – не раздавить бы ненароком...

Сейчас она боялась говорить, потому что нужны были слова высокие, и в то же время точные, и было страшно такой торжественности, потому что это легко осмеять, а воскресить невозможно, ведь вместе с этим покачнётся и сама любовь...

А Игорь, разнежившись в жаркой комнате, будто приглашая – смотри, пока я здесь, пока мы принадлежим друг другу...

Рита, осмелившись, положила голову ему на живот, расположившись поперёк дивана и поджав ноги. Она наконец углядела маленькую узкую дырочку, через которую просачивались так волнующие её обжигающие капли. Возле беззащитного кончика проходила какая-то странная кожаная складка, непонятно где начинающаяся и где заканчивающаяся...

– Осторожно, так больно... Очень чувствительное место всё-таки... Раньше было ещё нежнее, потом загрузело...

Она вопросительно посмотрела, приподняв голову, отпечатывая возле его пупка красный полукруг серыги.

– Ну, у меня же было обрезание...

– Больно было? – сморщилась она.

Он ждал чего угодно, только не этого вопроса.

– Нет... Это же под наркозом... И давно, двенадцать лет назад... Я думал, ты знала...

– Мне не с чем было сравнивать, – покраснела она, отводя взгляд – так трогательно, что сразу захотелось притянуть её к себе и расцеловать в закрытые глаза, сначала быстро, потом – медленно...

– Понимаешь, у меня изначально было не так, как у всех, мучился-мучился, пока не воспалилось. Пошли мы с матерью к врачу, а врач сказал – операция... Я так боялся... Всё думал, утешая себя – военная операция... Помню только, что надели на меня какую-то длинную рубашку... Проснулся уже на кровати, и надо мной – одеяло натянуто... Так больно было, когда что-то туда попадало... И потом, когда снимали швы... Но самое противное – это дома, после больницы, в марганцовке всё это промывать... Как увижу марганцовку – бррр...

– А сейчас – больно?

– Чувствительно очень, но сейчас уже не так, как тогда.

– Но ведь ты помнишь? Самим *ощущением тела*, ведь всё стало иным...

– Да... Но уже многое стёрлось, и я не могу припомнить это телесно с такой остротой, как раньше... А Юлька меня дразнила – еврейский мальчик, еврейский мальчик... Я сейчас думаю, что это как-то наследственно было предопределено... А ты как к этому относишься?

– Я не знаю... Столько боли...

Она погладила Игоря по груди и положила руку туда – закрыть, защитить, успокоить. Это прекрасное тело, не осквернённое даже болью, и стыд за то, что она представляла *это* чем-то противным, вроде кишок, каких-то внутренностей, когда на той лекции им вдруг стали зачем-то рассказывать ещё и про обрезание...

Странно, но он несколько не жалел, что сказал и об этом. Само как-то сказалось, хотя до того – ни одной живой душе...

– Ты правда меня любишь?

– Да.

Она вся сжалась в комочек, глядя будто бы сквозь себя, как тогда, в первый раз...

– Что с тобой?

– Тоже помнится... У нас был девчачий класс – после эксперимента по разделению на гуманитарное, общеобразовательное и математическое направление – всего двое мальчишек. Однажды их попросили выйти. В класс вошла незнакомая женщина, которую я потом больше не видела, уж не знаю, из консультации или взрослой поликлиники... До конца урока оставалось минут пятнадцать – литература у нас была... Так хотелось тогда сбежать...

Чтоб не просто вылезти, отодвигая стулья и шагая по коридору, а улететь или в окно выпрыгнуть – будто меня тут и не было... Так не хотелось слушать эту противную «лекцию для девочек»... Я многое уже знала – читала украдкой разные там книги, журналы – тогда как раз всё это начало выходить... Нашу девственность лекторша почему-то считала безвозвратно утраченной, всё повторяла: «если у кого цело, если осталось», а через год, когда нас погнали к гинекологу, только у двоих из семнадцати... Учительница сидит, поддакивает – всё такое противное, бабское. И вот на этой тошнотворной лекции стали зачем-то рассказывать про аборты, и – до сих пор помню эту фразу – «выскребают *до хруста снега*»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.